

Леонард И. Браев

Происхождение **ЛЮБВИ**

Леонард И. Браев. Происхождение любви.

Эссе. - 121 с.

Всё на свете имеет причины, начало и конец. Должны же они быть и у любви?

Но, как жалуются пострадавшие, любовь отшибает у нас ум. Не потому ли среди нескончаемых восторженных гимнов царице доньше нет раздумий, почему, когда и как меж людей любовь возникла?

Тем более о том, когда исчезнет?

Моей милой голубке Жене Дубовицкой
посвящаю – с любовью и преклонением.

Оглавление

1. Откуда половое различие живого? 4	4
2. Различие женщины и мужчины. 7	7
3. Биология полового влечения. 10	10
4. Причины любви. 13	13
5. Амурогенез в антропогенезе. 15	15
6. Жрицы любви. 27	27
7. Что такое любовь? 33	33
8. Страсть мужская и женская. 36	36
9. Семья. 42	42
10. Хозяйка. 48	48
11. Возникновение рода и семьи. 51	51
12. Возникновение красоты и совести. 57	57
13. Красота и совесть в родовых людях. 69	69
14. Филогенез специализации полов. 74	74
15. Гены, гормоны и пол. 93	93
16. Уклонисты. 100	100
17. Стрессы. 106	106
18. Феминизм и свобода. 109	109

1. Откуда половое различие живого?

Жизнь на Земле началась с появления около (~) 3,5 млрд. лет назад клетки, способной к **делению** для воспроизводства по своему образцу (“штампам” ≡ генам) своей копии, то есть рождения новых подобных же клеток, – противоединство: размножение с самосохранением.

По нецеситной теории, в основе функционирования всего живого лежит закон необходимости. Как все на свете, живое существо тоже невозможно без своих ПРИЧИН (УСЛОВИЙ). Так невозможность существовать без своего УСЛОВИЯ превращает внутреннюю устроенность живого на сохранение себя в “повеление” его достичь, – *основной для живого закон необходимости*: внутренние и внешние действия живого (его функционирование и развитие) подчинены необходимости.

Необходимость (лат. *necessitas*) – это такие **объективные** обменные **отношения** живого с миром, которые – вследствие *естественных причин и законов* – обеспечивают его приспособление и воспроизводство, почему без этих условий живое существо погибает.

Конечно, при размножении живого *случайно* происходят также **изменения** (мутации) клеток, однако те из них, что соответствуют условиям (≡ необходимые), они тоже сохраняются. Таким способом совершается приспособление (адаптация) живого к условиям.

Первоначально *такая* адаптивная эволюция живого была очень медленной. Но около 0,8 млрд. лет назад развитие ускорилося, когда некоторые клетки обрели способность не только к делению, но *прежде* ещё к **соединению** друг с другом + с обменом своими “штампами” (≡ генами), и таким спо-

собом к усвоению чужих адаптивных изменений – полезных находок.

В **слитной** клетке – «*зиготе*» – рекомбинация набора хромосом была тоже случайной, но разнообразие мутаций, представленных для естественного отбора более приспособленных особей, становится вдвое шире.

Однако слитие клеток давало преимущество тем видам, где при этом ещё происходила гибель \equiv *смерть* родительских клеток, потому что иначе (когда они сохранились благодаря своему *бессмертию*) в следующем соединении с этими *прежними* же клетками все полезные приобретения (их “штампы”) столь же быстро терялись бы.

Так эволюция сделала необходимым **единство рождения со смертью**. И здесь выживание отбирает преимущество не для особи, а для популяции – для вида.

Следующей ступенью способов эволюции, надо полагать, стало возникновение **полов** (гендеров, genders) \equiv морфофизиологических различий (“полового диморфизма”) между соединяющимися клетками с их *специализацией* по роли в размножении.

Преимущество давало деление (\equiv размножение) клетки в чем-то более жизнеспособной, например, выросшей в условиях более благоприятных для развития вида. За такими предпочтёнными \equiv «**материнскими**» клетками эта функция отбором и закреплялась: её ткани давали питание новорождаемым клеткам.

А другая клетка приносила главным образом свои гены, оплодотворяла, – «*отцовская*» («*мужская*») клетка, потом – мужская зигота и особь.

Пол нового существа определяется врожденно – генами из 46 хромосом, по 23 от матери и по 23 от отца. Между женскими и мужскими особями генетика заметила загадочную

особенность: если в зиготе *все* хромосомы, полученные от матери, оказываются только парными отцовским (обозначают XX), то зарождается эмбрион девочки. Тогда как в мужской зиготе есть ещё одна хромосома, ей *непарная* отцовская (XY).

Зачем для адаптации нужна эта непарность мужских зигот и особей?

Поскольку эта особенность свойственна членистоногим и млекопитающим, а у пресмыкающихся и птиц, наоборот, – непарная хромосома отличает самок и поскольку ни та, ни другая комбинация хромосом **не мешает** размножению ни млекопитающим, ни птицам, то, видимо, *парность хромосом* в женской зиготе млекопитающих действует (говоря *метафорой*, принятой сейчас в генетике) как своего рода естественная *генная “информация”, “сигнал”, “команда”*, а точнее, **без** таких *психологических метафор*, действует просто как **биохимический пуск** к размножению, а *непарность* хромосомы в мужской зиготе действует как отсутствие биохимического пуска (\equiv “запрет” ей) продуцировать яйцо и молоко.

Таким способом этот половой диморфизм со специализацией клеток стал закладываться врождённо уже на **генном** уровне в их хромосомах.

Хотя у морских ежей, насекомых, лягушек, ящериц и т. п. низших животных *дополовое* размножение – делением *одной* материнской яйцеклетки, “девственное”, без её оплодотворения сперматозоидами самца (\equiv партеногенез) рудиментарно сохраняется донныне.

А пуск механизма такого деления клетки включается просто достаточным внешним воздействием на неё: кислоты, щелочи, соли, йода, тепла или недолгого резкого охлаждения, механического острого укола, встряхивания или трения. В XX веке партеногенез некоторые биологи, по их утверждению, на-

блюдали даже у мышей, кроликов и других мелких млекопитающих с кратким сроком внутриутробного вынашивания.

Правда, такие особи рождаются мельче и слабее оплодотворенных и часто рано гибнут, что понятно, когда набор генов для выбора вдвое меньше. И по отсутствию отцовской Y-хромосомы они бывают абсолютными копиями матери, следовательно, исключительно самками.

Все эти тонкие обстоятельства рудиментов партеногенеза едва ли доступны обыденному наблюдению.

Поэтому из них неправдоподобно выводить, как бывает, мифы о девственном “непорочном зачатии” в рождении богов - не женщин, таких, как древнеегипетский Ра, индийский Будда (по мифу рожден девой Майя от солнечного луча), финикийский Адонис, греческий Дионис и даже Христос (девой Марией).

2. Различие женщины и мужчины

Таково нецелесообразное (необходимое) зарождение контрастного морфофизиологического различия полов во всем живом мире – от одноклеточных до организмов растений и животных. А у людей это половое различие, пожалуй, еще значительней и имеет причины уже **не** только *биологические*.

У людей каждый пол (*гендер*) склонен считать себя “лучше”. Однако в этом половом тщеславии обычно обращают внимание на общеизвестное превосходство мужчин в одном, но упускают из виду превосходство женщин в другом или наоборот.

Что поделаешь? Неоспоримый “медицинский факт”, что в среднем мужчина превосходит женщину в росте (~ на 10 – 15% выше), в силе (~ на 20 – 23% тяжелее + мускулистей: на его жировую прокладку приходится ~ только 10% веса, а у

женщины ~ треть), в ловкости, рискованности и смелости, в пространственном соображении, изобретательности и логической строгости, так что женщины редко в состоянии тягаться с ними в тяжелой физической работе, в борьбе, беге, охоте, шахматах и т. п.

Не удивительно, что обмен в большем мужском организме активнее, ему нужно больше кислорода, поэтому мужское дыхание хотя реже, но глубже, а кровь краснее (в ней больше гемоглобина).

Но зато как раз благодаря толщине своей жировой прокладки женщины меньше зябнут, выносливее к холоду и голоду, – и вообще жизнеспособнее, попросту, **живучей**. Женщина остается жить, потеряв до 2,5 литров крови, а мужчина, потеряв 1- 1,5 литра, умирает. Из недоношенных новорожденных девочек выживает 90%, а мальчики в большинстве умирают.

Вследствие мягкости хрящей и связок женщины гибче в движениях позвоночника, рук, ног и пальцев и грациознее. Благодаря этой своей природной восхитительной грации женщины и царят в балете, оставляя мужчинам блистать здесь разве что мощью стати. Тогда как в народных танцах мужчины всё же способны ярко противостоять женской грации своей ловкостью и силой.

В синтезе половых гормонов – мужского тестостерона участвует разновидность липидов – *холестерин*, отложение которого на стенках кровеносных сосудов ведет к их затвердению – омертвлению (*склерозу*). Поэтому старение мужчины начинается раньше. Лет с 20 у него начинает заметно ухудшаться память, тогда как у женщины только лет с 35 – и живут они в среднем дольше.

Кожа мужчин толще, поэтому её чувствительность к царапинам, ранам и боли глуше, что и нужно охотнику и воину,

оттого и морщины у него появляются позже. В азарте труда и борьбы он может вообще лишиться руки и первое время этого даже не заметить. Однако в спокойном состоянии женщина к боли значительно терпеливей и способна переносить родовые муки, иногда ужасные.

Да и в умственных способностях мужчина сильнее только в пространственном соображении, изобретательности и логической строгости, как необходимых в охоте, технике и науке, но никак не в эмоциях, интуиции и в языке, где нам до слабого пола далеко. Да и это различие во многом зависит не только от способностей, а ещё от интереса. Мальчик обычно с детства увлекается состязательными играми и конструированием. А девам – зачем им интерес к физике и математике, если в главном для их жизни – в любви физические формулы и расчеты бесполезны?

То есть женский и мужской умы – просто разные. Так же, как просто различны их организмы и занятия.

А главное преимущество женщины – способность рожать детей и нужные для этого привлекательность, выносливость, терпение и нежность, чтобы их зачать, выносить, родить и вынянчить.

Не удивительно, что еще разительнее различие их поведения в одной и той же ситуации. К примеру, в опасности.

Женская реакция на появление опасной угрозы – писк, визг, тряска, суетня. А мужчина холодеет, весь подбирается и напрягается для встречного удара, молниеносно соображая, как её отразить.

Почему же женщина так себя ведет? Потому что так миллионы лет учила её природа: если она погибнет, то без неё погибнут и дети. Ей надо поднять тревогу, привлечь мужчин – пусть они спасают. У неё в центре мозга гипофиз, повелитель гормональных желез, впрыскивает в кровь отрицательный

норадреналин. Но гипофиз умен: если мужчин поблизости нет, а ребенку грозит опасность – он тоже выделяет положительный адреналин – и женщины ведут себя по-мужски: молча и с яростью тигрицы мгновенно бросаются спасать дитя.

А мужчина в ситуации чрезмерной опасности, явно намного превышающей его силы, – ведет себя, как женщина, впадает в панику и со всех ног убегает.

К сожалению, обычная психология, бесполоая, не видит этих различий.

3. Биология полового влечения и любовь

У низших животных сексуальное соединение полов *безразлично* к конкретным особенностям партнера. Но сексуальное влечение между полами у многих **высших** животных – по крайней мер, от птиц и до млекопитающих – отличает психологическая **избирательность** к партнеру: одного самца самка подпустит, а другого – нет, несмотря на течку. Подобная же избирательность наблюдается и у самцов.

Притом, как свидетельствуют наблюдения над многими видами высших животных, взаимная нежность и ласка: любовь прижиматься, гладить друг друга, оберегать, защищать и т.п. – идут у людей ещё от животных предков.

Почему возникают эти сексуальная “привередливость” и ласковость?

Должно быть, потому что детеныши некоторых видов высших животных рождаются недостаточно способными для *самостоятельного* выживания и нуждаются в опеке от взрослых особей, более или менее продолжительной. Соответственно естественный отбор выработал у их новорожденных особей психологический механизм – сохранение в колейнах подсознания первых важных впечатлений – образа

того объекта, от которого они получили первую опеку, и установление привязанности к нему.

Но при этом в результате случайных подмен наседки – цыплята могут привязаться самым нелепым образом, не только к курице, но также и к утке или кошке, или даже к колесу велосипеда, и всюду следовать за ним. Так же мгновенно происходит запечатление в памяти образов сородичей, образов пищи и родной местности. Зоопсихологи именуют такое запечатление по-английски **импринтингом** (imprinting).

У травоядных и других **стадных** животных, имеющих пищу готовой под ногами, детёныши получают опеку в первую очередь от самки, но также и от *любого* в стаде.

Но у **нестадных**, а в летний период также и у *стайных* животных, которым пищу приходится еще искать и добывать, таким, как волки, лисы, совы или журавли, при избрании сексуального партнера образуются привязи именно к конкретной особи, **родительские пары** для совместного кормления и охраны потомства, закрепляемые в них, мне думается, также импринтингом, который обеспечивает их взаимную привязанность на срок, отмеренный естественным отбором, нужный для пестования потомства; назовём его “**сексуально-родительским импринтингом**”.

Этот сексуально-родительский импринтинг настолько силён, что от потери своей пары животное порой впадает в депрессию, чахнет с погасшими глазами, неподвижное, отказывается есть и умирает. Жить больше незачем.

Но у предков людей дети нуждались в исключительно продолжительной родительской опеке, уже не недели или месяцы, а многие годы (!), – и естественный отбор должен был выработать привязь, которая бы исключительно *надолго* привязывала самца к матери.

Является ли такое избирательное импринтинговое спаривание **любовью**? Разве они не похожи?

Но что такое любовь?

Симпатия или восхищение его (или её) достоинствами? Но они могут быть, а любви нет.

Сексуальное влечение? Увы, и секс тоже случается без любви. Пусть даже сексуальное сверхвозбуждение – аффект, как у сумасшедшего, – как иногда трактуют психологи, но и оно тоже бывает без любви.

Общность характеров и взглядов, психологическая близость \equiv совместимость (!) и совместное времяпрепровождение? Оно важно для любви, но тоже возможно и без любви. Это разве что дружба. Когда своему поклоннику красавица великодушно обещает дружбу, бедняга от её щедрости вдруг тускнеет, уясняя: а любви-то нет.

По-моему, единственный обязательный признак любви – нестерпимая неодолимость психологической привязи: без него, единственного любимого (или без Неё, единственной любимой) – мука такая невыносимая, что человек *не может* жить. Готов на преступление, на самоубийство. Как говорится, на нём (на ней) свет сошелся клином. Любимый для влюблённой важнее её самой; любимая для влюблённого важнее его самого. Потому что только близость с ним (с ней) избавляет от страдания, и это облегчение – избавление от **страдания** и есть **счастье** любви.

И такое нестерпимое влечение \equiv власть любви неодолима и неутолима.

Получается, любовь создается *страданием*. Минуты блаженства только усиливают страдание всякой *разлуки*. Без любимого – нервное расстройство, утрата смысла жизни, даже язва желудка или инфаркт.

Единственное *отвлечение* от мук неразделённой любви – *другое* страдание. К примеру, какое-то жизненное испытание или тяжкий труд, пусть грубо физический или духовно творческий, когда с утра до темна несчастный одержим им, а к вечеру ноги не держат, на ходу засыпает, – тут вроде бы и чахнуть некогда.

И все же даже и такое постороннее мучение не перешибает страданий неразделенной любви. Худеет, сохнет, из рук всё валится, молчит – молчит, а потом – вдруг в омут.

Но если так, тогда *чем* любовь отлична от сексуально-родительского импринтинга? Влюбленные так же одержимы и безрассудны, готовы на любую дурь и самоотверженье:

– А-а! Что уж тут? Все равно иначе не жизнь!

Безумное отчаянье удесятеряет их силы. Должно быть, в этом и есть великое природное предназначение импринтинга любви – всё преодолеть для продолжения рода.

Выходит, любовь **включает** сексуально-родительский импринтинг, существующий уже у высших животных еще на инстинктивном уровне. Не оттого ли начало любви носит качество какого-то внезапного *потрясающего впечатления*, озарения каким-то неодолимым влечением друг к другу и укрепляется после половой близости?

Видимо, любовь и развилась **на основе** сексуально-брачного импринтинга. Но значит ли это, что она ему тождественна? А если отлична, то *чем*?

4. Причины любви

Приходится констатировать печальный факт. Любовь чаще всего и в первую очередь нужна женщине. А многие мужчины, к сожалению, духовно *недоразвиты* до любви; им достаточно всего лишь секса. Хотя, как ни печально, нередко до такого уровня жизнь опускает и женщин.

В чем причина возникновения любви?

По-моему, она как всегда является нецеситной.

Как мы здесь уже вспомнили, у людей дети нуждаются в *особенно долгой и трудной* родительской опеке. И труд этот падает преимущественно на мать.

Длительность вынашивания человеческого плода (не меньше целых девяти месяцев!), а затем долгое нянчение новорожденного, будущего венца живого на планете, но как раз по этой своей высокоразвитости, а потому *длительности* его онтогенеза, в младенчестве самостоятельно совершенно *беспомощного*, как ни один детеныш ни одного другого млекопитающего. У зебры её новорожденный зебреночек встает на ноги и идет за матерью уже через час (!) – другой, а у человека – хорошо, если еле-еле через **год** (!) – два. На это “поставить на ноги” матери надо ещё никак не меньше полугода – года и дольше. А потом ещё больше десятилетия (!) выращивания и воспитания ребенка.

Вот все эти материнские заботы ограничивали (и ограничивают) иную дееспособность женщины. Не бежать же ей на охоту в интересном положении, тем более с кучей детей? Но тогда чем кормить себя и деток? Надежда одна – на отца. И такая родительская ситуация продолжалась не менее двух миллионов (!) лет **филогенеза** наших *обезьяньих* предков – развития напитеков в человека.

Это специфически человеческое материнство создает для женщины необходимость очаровать – психологически (а, может быть, чем-то еще? – речь о чем уместней дальше) привязать к себе отца. Хотя бы на этот срок, жизненно совершенно необходимый, но бесподобно долгий, намного дольше, чем у пар других млекопитающих и птиц. Без такой мощной привязи отца ей одной было трудно, а обычно совершенно невозможно вырастить ребенка.

Если женщина эту привязь не создаст, род человеческий кончится.

Сейчас теоретики обычно полагают, что добытчика к матери привязала *постоянная сексуальная* потребность, составляющая характерное отличие приматов от других млекопитающих. Но животный секс – как раз плохая привязь. Известно, если секс – одна убогая голая физиология, он скоро просто прискучивает, а скука гонит несчастного “физиолога” разнообразить его разными самыми дикими изысками и изменой. Неуёмная “смена партнёра” – общеизвестное отличие всех повес.

Да все усилия несчастных блудников тщетны и как раз потому-то нескончаемы. Однако они убедительно доказывают, что *чисто* сексуальная привязь была бы не только недостаточна, но даже гибельна для будущего человечества.

Тогда как тут, для человеческой семьи, привязь мужчины нужна намного сильнее и длительней даже, чем сексуально-родительский импринтинг у волков или журавлей.

Такой привязью мужчины к женщине и спасением возникающего человечества и стала любовь. Вот настоящая необходимая причина любви, – так сказать, *нецеситный отбор*.

Наяпитековые самцы, которые не имели такой мощной и долгой привязи к своей избраннице, такие *безлюбовные* самцы вымирали бесследно, не оставляя миру наследников своих генов, для человечества порочных (≡ гибельных).

Получается, человека эволюционно создал не только труд, но также ещё и *любовь*, – как она же и воспроизводит человека в каждом поколении, отсеивая безлюбовных.

Однако в обществе на этот сексуально-родительский импринтинг накладываются переживания утилитарные, эстетические, нравственные, а также соображения разума – и только в их итоге возникает любовь.

Видимо, любовь зародилась еще при родовом строе и

вполне сложилась при патриархально-общинном строе – вместе с возникновением семьи. Как же именно?

5. Амурогенез в антропогенезе

Важное обстоятельство: отбор любви был уже не просто “естественным”, чисто *биологическим*, а естественно- социальным, так сказать, антропогенетическим, приспособлением к социализации возникающего человека.

Дело в том, что бедой наших *обезьяньих* предков – наипитеков, обитавших по берегам пресноводных водоемов в жарком климате предгорных полусаванн Африки, а, возможно, также в Южной Европе, Западной и Юго-Восточной Азии, была их *неохотничья* (стадная) стайность: как и многие другие приматы, включая современные, наипитеки, по всей видимости, жили полустадными стаями.

Но такие стада - стаи обычно служат главным образом взаимной ориентации на поведение соседа и вожака в предупреждение о внешней опасности, защите и нахождение пищи; однако в них каждому по силам добывать себе пищу – их тогдашнюю добычу, чаще всего мелкую, – самому. И каждый наипитек ловил лягушек, раков, застрявшую на мели рыбешку, черепах, собирал моллюсков, птичьи яйца, прибрежные ягоды и фрукты – преимущественно в одиночку, *сам по себе*.

Однако в случае *нехватки* добычи на всех, когда встречалась особенно *редкая* и лакомая добыча: крупная рыба или черепаха, на редкость обильный вкусными плодами куст и т. п., между ними возникало *соперничество* – и в стае вспыхивали ссоры, галдеж и *драки*.

Конечно, целью этих драк или только *угроз* нападения, часто всего лишь символических, у таких животных обычно бывает не убийство соперника, а лишь его оттеснение, ус-

тановление в стае статусной иерархии доминирования по силе – доказать: «Я сильнее, уступи мне первенство».

Так что эта статусная иерархия служила как раз предотвращению новых драк и поддержанию определенного порядка.

И в сегодняшних подобных стаях животных верховодят наиболее матерые самцы – доминанты, а слабые – молодые или престарелые – изгоняются на периферию.

Поэтому наядитеки были драчливы, но не свирепы и злобны. Наши предки просто не имели нужды и не могли быть агрессивными, потому что для этого биологически были физически слабы. А с ухудшением экологической ситуации эта слабость всё сильнее вынуждала их к объединению друг с другом. В борьбе с голодом и хищниками выживали стаи дружные, а ссорящиеся – погибали.

Это вульгаризированный “дарвинизм” сводит “борьбу за существование” организмов в эволюции к враждебному соперничеству. Тогда как, на самом деле, уже у животных развиваются симбиоз и объединение усилий, а у людей способность к организации сотрудничества – дружелюбие и любовь стали их главным отличием и преимуществом.

Первые следы *войны* – *организованного* и *вооруженного* взаимного убийства – у первобытных людей антропологи аходят в окаменелых остатках возрастом ~ только с 40 тысячелетия назад. Таким образом, война – вторичное явление, не биологическое, а социальное.

Вожаки иногда захватывают себе также и всех или многих самок. Это явление, на самом-то деле, ещё животное, хотя современные этологи *завышено* именуют его “многобрачием” - “полигамией” (*γαμος* – брак, супружество). Точнее сказать, устанавливается сексуальное захватничество, а сексуальное

предпочтение и какая-то длительность избранных пар в их стаях разве лишь намечаются в зачатке.

Но таким образом, это *отсутствие* у животных обезьяньих самцов индивидуальной привязи именно к этой самке и заботы о ней и её потомстве стало для наяпитеков просто *гибельным* препятствием к выживанию их детёнышей, усовершенствованных, но именно поэтому бесподобно *долго беспомощных*.

Между тем наступившее ~ 1,6 – 1 млн. лет назад иссушение климата вынудило наяпитеков к возврату в степи и лесостепи. Но жизнь в степях была несравнимо суровой потерянного приводного рая, требовала непривычной подвижности и выносливости и вела к высокой смертности наиболее слабых особей, в первую очередь беременных самок и детёнышей.

Степь не оставила наяпитекам иного выхода, чтобы **выжить**, как переходить к охоте уже на крупных животных, судя по дошедшим до нас костным остаткам их пищи, на кабанов, баранов, антилоп, лошадей, даже слонов. Однако такую крупную добычу наяпитеки были в силах догнать и одолеть только сообща, *коллективно*, устраивая засады или гоня зверя к болотам и обрывам.

Загонная и засадная охота и заблаговременное трудоёмкое изготовление для неё копий и т. п. орудий из камня, кости и дерева – это уже *сложная и растянутая* в пространстве и времени трудовая кооперация с её длительным разделением и сложной координацией функций (“ролей”) каждого из многих участников: кто где когда что и как делает.

Поэтому такой скоординированный общий труд возможен только посредством его предварительной упреждающей **речевой** организации. Вот почему за миллионы лет предлюди обрели свое основное оружие и главное преимущество перед всеми животными – способность благодаря **языку** знать, ду-

мать и сообщать друг другу даже о том, чего сейчас *перед глазами* нет, – **надситуативное мышление** («абстрактное»).

Однако охотничья добыча часто недостаточна для всех, а *нехватка* пищи и гибнущих самок вела к учащению и *ожесточению* ссор и драк из-за них, как это при *дефиците* неизменно происходит в стаях хищников, в клетках и вольерах животных да, увы, и среди людей, например, в камерах заключённых и во всяких нецеситных кризисах: природных, экологических, производственных, экономических или политических. А наличие в руках степных наипитеков оружия, пусть самого примитивного, хотя бы камней или дубин, сделало эти драки особенно опасными и ужасными.

Таким образом, успешное **согласование** усилий многих особей в **организации** труда стало возможно, в свою очередь, **ещё** при одном абсолютно **непременном** условии – обуздания *стайных свар и драк* из-за пищи и самок.

Но как это сделать?

Очевидно, путем замены драк какой-то общественной регуляцией, то есть победе над прежними чисто звериными нравами уже **гуманистического** начала, говоря проще, благодаря ещё и нравственному превращению *животных* в людей.

Чем же именно можно было хотя бы на время прекращать драки? – добиться доброго согласования воли этих обезьян?

Ведь достигнуть согласие непросто и сегодня, даже между современными людьми, провозглашенными между тем “цивилизованными”, – несмотря на распалемую их пропагандой злобу и массовые драки, сущие боины ≡ “войны”, гражданские и международные, которые бывают чудовищнее любых звериных схваток.

Вот грандиозная аксиологическая загадка, которую теоретики антропогенеза обычно не замечают. Должно быть, потому, что эта проблема уже философско-социологическая.

Ну, с пищей как будто бы понятно. Для неё можно организовать какое-то более – менее приемлемое для большинства распределение, например, поровну с поправкой на пол и возраст или с “некоторыми предпочтениями” для кого-то по каким-то особым преимуществам и заслугам.

Но как быть с сексом? Ведь тут даже сегодня вспыхивают самые дикие страсти – нередко до смертоубийства.

В конце концов, чтобы выжить → остановить проклятые ссоры на охоте и в тому подобных жизнеобеспечивающих трудах, нашим предкам нашлось и пришлось от первобытной стадной стаи, довольно рассеянной и конфликтной, перейти к **родовой** общине, чтобы установить между родней, внутри рода так называемую «**экзогамия**» (*εξο* - вне): сближаться позволительно только с самками из **чужих** родов, а в **своем** собственном роду, дабы не было свар, – ни-ни, на секс вообще запрет (!), полный и безоговорочный, – ужасное табу, как на страшное кровосмешение, угроза жутких бед: болезни, дети-уроды и вообще вырождение и всякие другие ведомые и (ещё страшнее) неведомые несчастья.

Разумеется, этот переход был не каким-то сознательным рассудочным актом, а длительным стихийным процессом, вынужденным отбором жизнеспособных. А те наипитеки, которые не сумели установить такой внутриродовой запрет секса, те и, в самом деле, так и не стали людьми и погибли, – тот же естественно-социальный отбор.

Но такой внутриродовой запрет секса, как видим, является по существу **анти инстинктным** (Это всякие вульгаризаторы воображают и толкуют, будто людьми правят исключительно животные инстинкты).

Но как же наши предки смогли немислимое у животных – **победить инстинкт?**

Конечно, экзогамия облегчалась, прежде всего, половым разделением труда: мужчины бродили на охоте; женщины, связанные детьми, были вынуждены оставаться в стойбище и занимались домашними работами: приготовлением пищи, обработкой шкур, изготовлением одежды и обуви, сбором плодов, так что виделись они не так часто.

Но чтобы соблюсти этот анти *инстинктивный* и поэтому фантастически трудный запрет, разнополые родственники даже внутри поселения стали также и в быту обособляться друг от друга: каждый пол селился в своем особом отдельном жилище, *женском* или *мужском*, или хотя бы на своей особой женской или мужской половине.

Появились особые закрытые для дам мужские дома, вроде клубов: здесь проводились испытания и обряды посвящения (инициации) подростков в полноправные взрослые мужчины, а первобытные снобы устраивали пиры и важные обсуждения (“мозговые штурмы”) общественных дел, то есть солидно испускали изо рта умные речения или хотя бы дым – “курили”.

А то и женщины вообще селились на отшибе, в отдалённых отдельных поселениях. Тем не менее, разумеется, их сношения и встречи с мужчинами оставались необходимыми и регулировались специальными обрядами, строгими и, как обычно водится, окутанными пугающей мистикой – колдовством.

Для защиты же от опасных хищников и чужаков или отражения непрошенных самовольных нетерпеливых гостей они бывали *вынуждены* учиться также и организованному вооруженному бою. И он вполне мог быть достаточно успешным против отдельных удальцов, когда те были сопливы

и не очень многочисленны.

Такие обычаи донныне сохраняются у некоторых этносов в тропических джунглях Амазонии и Новой Гвинеи. По всей видимости, такие древние факты и память о них и отразились в преданиях и, как положено, в преувеличенных фантастических мифах об амазонках.

+ Появился **стыд** – и свои самые любопытные половые детали красавицы и красавцы стали прикрывать от сторонних взглядов всякими хотя бы листочками и шкурами.

Мне думается, вот тут-то вся деликатная сфера зарождения и рождения плода и попала в ласковые руки женщин. И они не упустили свой шанс – и выручили – спасли возникающее человечество – придумали и создали любовь.

А грубые мужланы, предполагаю, по своему обыкновению, встретили женское открытие – изобретение с недоверием и поначалу всё портили. Да кто же в таких безвыходных для них условиях этих толстокожих спрашивал?

– Ах, не любишь? Ну и гуляй подальше!

И не подпускает к себе. Ну, надо же!

А что тут делать дяде-скептику? Когда злодейка-природа, заботясь о продолжении рода, наградила несчастных мужиков половыми гормонами особыми и в гораздо большем количестве, чем женщин, – и им, страдальцам, хочется этого самого сближения гораздо, просто невыносимо сильнее.

И куда деваться, если невозможно как раньше – силой?

В своем роду, видите ли, вовсе нельзя. А в чужой род – ну, туда с силой не очень-то сунешься. От тамошних мужиков можно и сдачу получить.

Тут-то и стала **необходима** – и возникла **междуродная дипломатия**: общие молодежные гулянья и празднества, взаимные высматривания, вспыхи взаимных симпатий, их тайные волнующие встречи ≡ свидания, знакомства, потом –

смотрины, спец. посланники \equiv сваты, даже товарообмен: калым или приданое, – межродовые договоры, ритуалы их публичного оформления – сватовство и выданье, а в итоге, ура! – всенародное ликование \equiv свадьба.

В таких опасных условиях любовь загорается обычно неожиданно, обрушивается на нас как волнующая властная неизвестность, поэтому повергает человека в подобие сумасшествия, впрочем, так с людьми бывает во всякой зависимости от незнакомой ситуации. Влюблённые – что женщина, что мужчина – “теряют весь свой ум”, при знакомстве приходят в растерянность и ведут себя несуразно, краснеют, не к месту улыбаются, фальшиво хихикают, неожиданно для самих себя вдруг выдают глупости и грубости и тут же раскисаются в своей дерзости, приходя оттого в ещё большее смущение.

Зато вежливая корректность, безукоризненное соблюдение всех положенных форм обольщения: любезность, комплименты, цветы, подарки и т. п. – верный признак расчетливой неискренности и опасного равнодушия.

Вот благодаря этой-то “сложной ситуации” женщины и смогли-таки заставить диких мужланов себя любить.

В женском понятии любовь – это как раз и есть многозначительные переглядки, сладкие серенады, дерзкие частушки, томные романсы, назначение тревожных и нежных свиданий, в особой красивой обстановке, гуляние под руку, ухаживание, проявления заботы, услужливость, цветы, подарки, приглашения, танцы и всякие прочие амуры и обряды, словом, романтика – дабы чувствовать себя любимой – обожаемой и как-то ещё сильнее. Дева, она же нутром знает: очаровать мужика из чужаков до одурения, до её обожания и душевного сближения – это будет самая надежная скрепа назревающей семьи.

Неудивительно, что любовный роман – самое сладостное переживание и главное событие в жизни каждой новенькой

женщины.

Однако обычно женщина не в силах заставить себя первой признаться в любви. Не случайно и мораль не рекомендует ей “навязываться”. И равноправие здесь ни при чем. Зачем же *после* такого признания её будут домогаться и обожать? А ей и нужно именно обожание. Хуже, она рискует быть униженной, если за вежливой любезностью неожиданно наткнётся на равнодушие к себе.

Поэтому хотя роман обычно вынужден начинать мужчина, зато заканчивает его обычно женщина, – если эти эмоциональные романтические приключения заканчиваются, а душевной привязанности, она чувствует, к её огорчению, не сложилось. Тут ей становится скучно. Ну уж, нет, один секс ей совершенно недостаточен. Хуже: без эмоциональной близости секс тяготит. Подавай любовь! Очарование и т. д.

Для мужчины женщина – создание сладостное, но причудливое и загадочное. Болтливое ли и лёгкое, игривое и смешливое, молчаливое ли и печальное, но всегда нежное и хрупкое, заражающее его какой-то тягой её щадить и оберегать. Рядом с ней серьёзное кажется пустяком, а менторский педантизм – претенциозно комичным. В этом непонятном очаровании и заключается исток ее обожания, влюблённости в неё.

Вот почему, хотя мужчину, казалось бы, неодолимо влечёт женская нагота, но голая женщина для него сразу как-то *беднеет* и делается “*скучной*”, потому что всё его зрительное внимание тогда поглощает одна её физиология – тело, вмиг разражаясь взрывом безумной страсти, ослепительного сексуального вожделения, но заслоняет и лишает её всего её *человеческого очарования как личности*: её взгляда, смеха, нежности, смущения, гордости и всех эмоций и душевности. Пото-

му-то женщина нутром чувствует, что обнажаться ей уместно исключительно только “отдаваясь”, перед сексуальным актом.

Всякая иная нагота воспринимается обеднением и отчуждением, позором и унижением.

Половой акт, а вслед за тем равнодушие – разве это нужно женщине? Этого было достаточно только животному – обезьяньей самке, а женщине – человеку нужно не меньше 20 лет очарования и обожания ≡ любви.

Этот закон женской девальвации действует и в истории моды на частичную наготу – “*декольте*”.

Молодому Пушкину как-то в путешествии вместе с Раевскими по югу России, когда они подъезжали к морю, а их юная дочь (кажется, Мария) выскочила из экипажа и побежала к воде, естественно, приподняв своё по тогдашней моде длинное до пят платье, – в тот миг поэту посчастливилось мельком увидеть её ножки. Должно быть, чуть-чуть, всего-то до щиколотки, но он был так ошеломлён, что даже через годы – в «Евгении Онегине» – вспоминал в знаменитых стихах: «Я помню море пред грозюю.// Как я завидовал волнам, // Бегущим бурной чередою // С любовью лечь к её ногам ...».

Надо ж, сколько лет минуло, – а человек забыть не может.

А нынче что творится? Юные леди оголяют ноги чуть не до шеи, да ещё выставят то пупок, то поясницу, а то и всю спину, – но ничто не помогает.

Если бы Пушкин сегодня ожил и такое раздолье увидел, он бы, наверно, с ума сошел и от потрясения тут же снова умер. А нынешнее мужичье настолько избаловано, что ноль внимания. Проходят мимо – и хоть бы хны. Привыкли, что ли? Прямо беда. Хоть плачь! Неведомо, что ещё придумать, чтобы раззадорить проклятущих. Опять, что ли, переходить на платья до пят? Похоже, всё к тому идёт.

А почему? Не потому ли, что такие леди забывают, что к ним привлекает красота, а нагота – разве только когда она в намёке. А чрезмерная и обыденная, она лишает их всего человеческого обаяния и даже отталкивает.

Служение любви преобразует значение человеческого обаяния. Мужчины удивляются женскому отчаянию:

– Нечего одеть!

– Как нечего? Шкаф трещит от твоих платьев.

– Ах, ты в этом ничего не понимаешь.

И он, в самом деле, не понимает. Исключая ухажеров и повес да чинов, для мужчин одежда – лишь защита от холода, а для женщины – прежде всего наряд, средство очарования. И ради этой потребности в наряде соревнуются модельеры и кутюрье и трудится целая промышленность.

Впрочем, это девичье искусство влюбления до чрезвычайности деликатно и тонко – и я, сознавая свое мужское толстокожие, в его тайны углубляться робею. Хотя некоторые его мудрые сентенции до моего слуха и взгляда доходили.

Например, что нельзя вслух сравнивать своего поклонника с другими: кто сильнее, умнее, лучше одет, больше денег получает, выше чином и т. п. Такие сравнения ухажера крайне обижают и тем от тебя отталкивают.

Или ещё, что торопить ухажера с женитьбой опасно: незревший угодник может вдруг испугаться потерять свою, видите ли, свободу и убежать, как гоголевский Подколесин.

Нет, надо, чтобы он «созрел», а для того довести жертву до такого каления любви и желания сохранить свою избранницу, чтобы он **сам** просил надеть на себя семейный хомут. Вот тут самое время осчастливить влюблённого беднягу своим милостивым согласием.

Как видим, любовь рождена **свободой** – прекращением насилия над женщиной. Как и вера, любовь по принуждению

невозможна. И важнейшее гуманитарное обстоятельство: именно **с любви** и началось **превращение животных наипитеков в человека**. Потому что именно эта же **свобода** от насилия драк **превратила** наших **животных предков в людей**.

Так же как будущее рабство, *насильственное* (античное и феодальное) или современное *экономическое*, вновь превращает любовь всего лишь в секс и в мерзость изнасилования или проституции, а человека возвращает в злое животное.

В Средние века среди рыцарей воскрес родовой обычай трепетного почитания женщины. Но в каких условиях? Когда прекрасная дама, например, невеста, была из другого рода, тоже рыцарского, способного за её честь постоять, следовательно, свободна от коленопреклоненного, отчего тому её благосклонности приходилось еще добиваться. Но *после свадьбы* возлюбленная становилась полностью *зависимой* (см. дальше гл. 10) от мужа – и тот же обожающий рыцарь уже считал нормальным разбивать жене нос.

И почему же девушки стремятся замуж?

Подробнее об этом жгучем дальше (в гл. 7, 9, 10, 15).

Как видим, **без свободы и любви нет и человека**.

Думаю, если любовь исчезнет, то только вместе с людьми.

6. Жрицы любви

Тяжелые работы явно не для женщин. Женщин природа создала для иного – для любви. Речь не о всего лишь **сексе**, а именно **любви** – в смысле страсти, нежности, доброты, заботы, эмоциональности. **Любовь > секса**. Любить родителей, любить возлюбленного, мужа, детей, внуков и быть любимой ими, быть любимой дочкой мамы и папы, возлюбленной, женой, мамой, бабушкой. И для этого женщине дано всё: и нежность, и красота, и очарование, и доброта, и способность родить, и заботливость, и бесконечная терпеливость.

Женщины – гении любви. Не все, конечно. Так доблестью мужчины считаются ум, сила, мужество. Но не все же мужчины умны, сильны, мужественны. И все – в разной степени. Речь о преобладающем качестве в большинстве. Так и здесь. Разумеется, среди женщин есть и бесчувственные, и стервы. Но всё же в большинстве по силе, самоотверженности и таланту любви женщины превосходят мужчин.

И это не случайно, а создано естественно-социальным отбором. Великое дело материнства трудно. Без кокетства, нежности, обаяния, доброты, самоотверженности, терпения женщина рискует остаться без детей и без семьи, в страшном убивающем одиночестве. Такие качества ей необходимы.

Женская любовь всегда жертвенна, но, как ни парадоксально, тем не менее, эгоистична. Она любит мужчину, детей и внуков ради того, чтобы те любили её. Взаимно. Но едва ли когда признается в этом. Да часто и не сознает этого. Но как раз из этой эгоистичности её любовь деятельна. Она делом радуется любимых, чтобы быть обожаемой возлюбленной, любимой женой, любимой мамой, любимой бабушкой, которой радуются, без которой не могут. Чтобы счастливой купаться в любви любимых, ею рожденных и сотворённых.

Но между прочим, даже и тогда, когда это делает любимого мужчину или милого ребенка несчастными. И в особенности от её ревности или от ею их избалования. Таков диалектический парадокс – эгоистичный альтруизм или альтруистичный эгоизм. Но, как видим, её эгоистичная потребность быть любимой первоначально выступает любовью к другим и спасает других людей.

Женщины – существа, которые рождены, чтобы любить и быть любимыми. Конечно, женщины еще много что могут, но главное для них любовь.

Когда у женщины любви нет, она несчастна, сумрачна, скучна, раздражительна, не хочет жить и от любого пустяка истерично взрывается. Так же, как несчастен мужчина, если он не имеет успеха в своём пусть тяжёлом, но тоже любимом труде. А когда женщина утопает в любви, она прекрасна: вся светится от счастья, оживлена, весела – и все-то житейские невзгоды для неё пустяки, от которых она отмахивается.

Для женщины нет ничего слаще комплиментов и нет более тяжкого оскорбления, чем отказать ей в красоте. Скажи ей, что она мырма, и она тотчас потускнеет, увянет и после всю ночь горько прорыдает.

В абстракции эта истина холодна, но потрясающа в жизни.

У Мопассана есть прекрасный рассказ об этом – “Мисс Гарриет”, по-моему, один из лучших у него, прозрачный и трогательно печальный. О старой деве, костлявой, плоской, неуклюжей и оттого обделённой любовью и чудаковатой, восторженно нежной и мечтательной. Она дичится людей, ища отраду в чтении, в одиночестве, в любовании природой и в любви к богу, пока одним летом незаметно для себя она не влюбилась в молодого художника. Но, конечно, она таится от него, трепетно и стыдливо изнемогая от страсти.

А он, приехавший в сельскую глушь на этюды, не замечал её чувств, не допуская даже мысли, что столь нелепое существо, жалкое и комичное, тоже может любить и только забавлялся и удивлялся порывистым странностям её поведения. Даже её конфузливость при его учтивых комплиментах и её безумные лихорадочные взгляды не открывали ему её состояния. А когда, наконец, понял, ошеломлённый и растерянный, было уже поздно. Она тоже поняла, что ей никогда не дожидаться взаимности, что она, жалкая чудачка, не может для него существовать как женщина – и утопилась в колодце во дворе гостиницы.

Потрясенный происшедшим, художник всю ночь просидел в комнате возле её трупа в думах о несправедливости безжалостной природы, лишившей несчастную надежды быть любимой хоть раз в жизни и о её тайных страданиях, а на заре, когда солнечный луч через окно упал на её изуродованное лицо, встал, склонился и медленно без страха и без отвращения поцеловал её в губы, никогда никем не целованные.

В этом любовном искусстве и состоит высшее превосходство женщины, её царствование над мужчиной, безмерно гордым своей силой и якобы умом. И это женское полуинтуитивное – полурасчетливое **искусство влюбления** для человечества спасительно важно.

Разумеется, случаются девы в женском искусстве бесталанные, но судьба таких бывает печальна. Уступила одному “развратнику” ≡ то есть не любящему, он поиграл и бросил. А ей-то стало остро не хватать этой самой “игры”. Уступила другому, он тоже бросил, да еще и презрительно обозвал “шлюхой” и п. т. Бедняжка в отчаянье. Хочется любви, постоянства, семьи, детей. Травится даже, еле откачивают. Чувствует себя какой-то “куклой”. Завидует подругам.

Вот так девы, несчастные в женском искусстве очарования и любви, тоже обречены вымереть без наследников их бесталанных генов, – тоже естественно-социальный отбор.

Всё-таки прав был прославленный писатель. Когда женщина прихорашивается перед зеркалом, как раз тогда, на самом деле, её “красота спасает мир” – то есть человечество. Если бы женщина не заботилась о красоте, как бы продолжился человеческий род? Хотя едва ли она в то время думает об этом столь грандиозном следствии. Разве что о своем личном женском успехе и семье.

Да и Достоевский едва ли вкладывал в свой растиражированный афоризм наш конкретный, но возмутительно “призем-

лённый” смысл. Вероятнее, у него в мысли стояло что-нибудь этакое возвышенно общее, вроде: красота мира воодушевляет на его очищение от зла.

Для меня эта банальность несомненна. Больше того, как увидим далее, именно красота создает саму нравственность и всю нравственность.

Но очистит ли она мир? Спасёт ли его? В этом я не столь уверен. Хотя, конечно, надеяться хочется.

А страдальцы-мужи – куда деваться? – вынуждены были обнаруживать у себя в душе эти немислимо небесные чувства.

Правда, большинство ничего вразумительного о них сказать не могли. Только мямлили какое-то мычание, совсем неубедительное. Однако женщины его не принимали, а требовали (!) убедительно серьёзных любовных признаний.

Должно быть, как раз поэтому ещё в ту стародавнюю пору среди самых первых людей в завидный почет вошли особые таланты – всякие певцы-поэты, сочинители красивых напевных стихов, от коих тают женские сердца.

Поэтов стали высоко ценить, они входили в народные нравы и в песенную традицию, потому что были незаменимы для любовных романов. Поскольку прочее бесталанное в стихах мужичье стало заучивать чужие красивые словеса наизусть, чтобы в подходящем случае громко петь их красоте – будто от самого себя или страстно шептать их в розовое женское ушко.

С тех пор поэтов стали уважать беспримерно. Иногда больше даже, чем полководцев. Да и как иначе? От любви непосредственно ощутимой пользы получалось несравненно больше. Даже памятники им стали ставить.

А полководцы всегда щелкоперам ревниво завидуют и презирают – утверждая, что бить дубиной по башке злых врагов несравненно почётнее и достойнее для всякого настоящего героического мужа. Впрочем, и сами полководцы вынуждены

прибегать к услугам шелкоперов. Ведь перед любовью и самые грозные воители слабы, как сопливые мальчики. А как вкрасься в чуткое женское сердце без стихов и музыки?

Так с тех пор в человечестве и борются эти два полюса – начала: звериное и человеческое, **злоба** и **любовь**.

Вот так *попутно* женщины вдохновили и породили в человечестве еще и такие прекрасные явления, как поэзия – словесное фантазирование красивого и печального мира, и музыка, озвучивание поэзии в выразительных интонациях голоса (в пении) и в его инструментальных имитациях. Хотя сами женщины до последнего века сочиняли стихи и музыку редко. Да и зачем им? Когда женщин-то и без их стихов любят.

Впрочем, в последние времена, порой обретая досуг, и сами бабы и дамы тоже занялись песнями и стихами. Правда, не на потребу другим и, к сожалению, – крайне редко для воспевания мужчины, а так, *для себя*: погреть себе душу, погрузить – поплакать от разочарования в окружающей дряни, и уйти от некрасивого мира в прекрасные или грустные грёзы, в утешение себя прекрасными мечтами.

С тех первобытных пор женщины так и “любят ушами”. Проверяют ухажеров на слух, что подскажет им их знаменитая интуиция, бдительно прислушиваясь: нет ли в излияниях поклонника фальши? шевельнётся ли в их тонкой женской душе ответное чувство?

Увы, обычно – пока мудрая дева не пожалеет своего бедолагу – притворится, будто поверила, со вздохом здраво рассудив: Ладно уж. Что с дурака взять? Не речист. Но добытчик он сноровистый и добрый. Может, буду как за каменной стеной? Что делать? Лучшего принца что-то не предвидится, а семью-то уже пора вить – деток плодить. Время не терпит.

После чего отважное решение героя-мужчины жениться стало последним, которое он принял самостоятельно. Впрочем, как видим, и его-то самостоятельно ли?

7. Что такое любовь

Между тем грубое мужичье, должно быть, под плаксивым бабьим властвованием постепенно облагораживалось и стало, удивлённое и ошеломленное, наконец-то, прозревать – открывать рядом с собой за огромными влажными нежными очами не просто волнующий соблазн, сладкого “сексуального партнера” и мать его детей, а существо невероятное, дивное и таинственное, скорей всего даже непостижимое: слабое, неловкое, трогательно смешное, но преданное и ласковое, исполненное невероятной доброты и любви, ежедневно идущее ради своей любви и семьи на всё, на любые муки, труды и жертвы, забывая о себе, самоотверженное, готовое, если надо, в любую минуту за неё даже умереть, – словом, воплощающее все то светлое и святое, чего всегда мужику не хватало, о чем в его суровой доле всегда тосковала его рано огрубевшая раненая душа, – существо воистину как будто неземное, высшее, перед которым чувствуешь себя низшим примитивом, – не только усладу тела, но и отраду духа и всей жизни, без кого он теперь не может жить, и, исполненный восхищением, преклонением и обожанием, вдохновлён на воспевание своего удивительного божества в стихах и в музыке и насторожен долгом оберегать её оралом и мечом, защищать, столь же самоотверженно рискуя головой.

Короче, мужчины в самом деле тоже сподобились любви. Пусть не все и не всегда. Пусть мужская любовь, конечно, всё же иная, не жалостливая, хотя благоговейная, но страстная, опасно ревнивая и покровительственная.

Однако власть любви самая сильная. Когда она прище-
мит, любой богатырь голосит истошным тенором или басом:

Я люблю тебя. Я люблю тебя!...

Ты одна в моем мечтанье,

Ты мне радость и страданье!

... ..

Вот это власть. Вот это могущество. Как жаловался поэт,
любовью нами “правит // Прелестный, хитрый слабый пол”.

В сравнении с ней что там какие-то мужские мышцы?
Пшик! Сведение силы к мускулам – и что за убогое, просто
примитивное понимание мира!

Вот для чего природа сделала женщин прелестными.

Конечно, женщине её влюбчивость, ласковость, доверчи-
вость, жалость, доброта и другие подобные доблести великой
женственности для неё *самой* нередко выходят боком. Но, как
видим, такие женские качества необходимы не столько для
неё *лично*, сколько для продолжения рода человеческого. Как
видим, и здесь торжествует тот же закон естественно-
социального отбора необходимого не персонально для особи,
а, так сказать, “для вида – для популяции”. (Гл. 1).

Разве не с любящих женщин срисованы все эти умильные
лики небесных ангелов? Да, разве же *вся* женщина в целом, и
телом, и душой, – это не сама воплощенная любовь? Само
вечное неистребимое томление и воплощение глупой *всемир-*
ной любви. Не её ли утопию как раз и обожествило христиан-
ство? Даром, что оно так привлекает женские сердца. Пусть её
всемирность несбыточна, и, тем не менее, разве не такая уто-
пичная бабья любовь до сих пор спасает человечество во
всех его глупых страшных испытаниях?

Будь моя воля, я бы повсюду над правителями государств
поставил женщин верховными вершителями, нет, не докуч-
ных *текущих* дел в производстве, экономике, науке, искусс-

ве. Здесь бывает много всяких технических сложностей, для которых нужен специалист, да и специалисты-то никто один в одиночку разобраться *во всем* на свете не в состоянии.

Но для разрешения разных гражданских и международных конфликтов, когда возникает опасность драки (тем более войны) или мира, вот такие конфликтные ситуации не лучше ли доверить природной мудрости женщин? Может быть, их вето примирителей, “мировых судей” предотвратит многие страшные бедствия?

Ни единого выстрела без их согласия! Иначе – военное преступление! А уж безмерность материнского упрямства, особенно когда дело касается их драгоценных деток, – мне знакома. Это вам не полководцы – очень решительные, потому что они сами-то не выносили, не родили из своих чресл сквозь адские муки и не вынырнули бессонными ночами ни единого солдата.

Может быть, тогда, наконец-то, поутихнут войны. И наступит в человеках благоволение. Или это моя пустая утопия? Но кто её проверял испытанием?

Понятно, такое вершение опасных судеб стоит доверять **не любой** женщине, а именно из истых матерей – хранительниц семьи.

Я живу не на Луне и не хуже других знаю, что женщины бывают всякие, и не собираюсь их всех огульно нечестно идеализировать. Напротив, у меня к ним немало претензий.

Среди них сколько угодно встречается временно избалованных счастливыми семейными обстоятельствами – пустых капризных кокеток, которые в своей эстрогенной острой жизнерадостной взвинченности совершенно несерьезно только дразнят сильный пол напрасными надеждами, что всякому потом обнаружить, понятно, бывает весьма обидно.

Другая беда – женщинам до чрезвычайности свойственно лукавство и притворство. Чертовки этим ещё и гордятся, откровенно распевая: “Сто разных хитростей – и непременно всё будет так, как я хочу”. Хотя, конечно, такими шкодами они становятся как раз в защите от мужской деспотии, но обманывать-то всё же, ай, нехорошо.

Впрочем, когда властная женская красота поднимается превыше всего, в “стадии Кармен”, красавицы выступают за свою свободу совершенно открыто и вызывающе презируют сильный пол, всяких там ревнивых Хосе с их ножиками.

Всенародно ославлены также тиранки собственных выросших детей, когда ласковая любящая мамаша дочки из по-нятной ревности превращается для зятя в жуткую фурию – *ненавистную тещу* и разрушает молодую семью.

Не такая уж редкость и полные дуры (извините за грубое, но, увы, точное слово) – из столь поглощенных своим узким домашним мирком и как раз поэтому ограниченных – невероятных невежд вне его, в широком мире. (Как известно, наши недостатки – продолжение наших достоинств).

Но, пожалуй, особенно неприятны прелестницы, внешне ангельские, но внутри коварные и злые стервы, которые, впрочем, появляются опять же из временно избалованных или из зло пострадавших, – ну, конечно, от нас, от окаянных мужиков.

8. Страсть мужская и женская

Отожествление страсти, а то и всего-то лишь *физиологии* акта голого *секса* с любовью – самое распространенное сегодня заблуждение, которое питает тщетные надежды построить на них свое будущее – семью. (Ср. гл. 4.)

Состояние страсти, сексуальное желание (похоть, «либидо») у обоих полов физиологически возбуждает один и тот же «мужской» гормон тестостерон (о нем подробнее гл. 15),

его вплеск в организм от горячих впечатлений. Но у женщины тестостерона обычно раз в десять - двадцать меньше, чем у мужчины, – и соответственно её сексуальное желание обычно слабее. Исключая время овуляции.

И у мужчин, и у женщин страсть растёт от доверия, спокойствия и вообще благополучия ситуации ≡ счастья; но больше всего от необъятного счастья любви. В объятиях милого и милой любовь наполняет сексуальное слитие счастливых таким бесконечным восторгом и мучительно-сладостным блаженством, каких не способны дать никакие изыски в “технике секса” бедных “сексуальных революционеров”.

Таким образом, страсть: гореть и активно домогаться природа предоставляет мужчине, а женщине – сладко таять от восхищения и очарования ею, от угождений обезумевших поклонников, их ласканий, клятв и лести (≡ “комплиментов”), – да, тех самых, над которыми, по древнему присловию, «боги смеются», ибо восхваления и обещания безумцев страсти обычно – явная *ложь*, ≡ преувеличение её достоинств и его возможностей (достать с неба звездочку, завтра же жениться и т. п.).

Однако эта *ложь* истинна субъективно – в *чувствах* влюблённого. Но только этот показатель градуса чувств и важен для женщины, как залог крепости назревающей семьи. При этом если о *своих* реальных достоинствах она обыкновенно охотно заблуждается, сладко млея и веря комплиментам, то о реальных возможностях мужчины благодаря своей женской интуиции она заблуждается далеко не всегда и не питает особых иллюзий.

Вот как получается, что для мужчины секс есть разрядка его давнего полового напряжения, а женщине предварительно нужно еще накопить это возбуждение.

Вот почему влюбляются мужчины обычно быстрее и сильнее, но женщины зато крепче и надольше.

Мужчин сильнее возбуждают *зрительные* образы: для охотников они важнее. Женщин больше волнуют *слуховые* образы: в привычном стойбище рассматривать что-то особенно новое нужно редко; тут важнее слова, крики и поступки окружающих. Не поэтому ли обнаженная женщина мужчину возбуждает, а обнаженный мужчина вызывает у женщины хихиканье или страх?

Мужчины буквально «толстокожи», и чувствительность их кожи в несколько раз ниже, чем у женщин. Это понятно: охотнику было бы губительно отвлекаться болью травм, в увлечении охотой он часто даже совсем не замечает ран. (Гл. 2)

Тогда как кожа женщины чувствительнее к прикосновению и обниманию, что необходимо в уходе за ребенком.

Поэтому ласковые объятия и поглаживания лица, волос, рук и т.д. женщинам приятны, разнеживают и волнуют, а мужчинам нередко скучны и только досаждают. Исключая некоторые их половые так наз. «эрогенные зоны».

Но между людьми действует ещё одна коммуникация, нами часто не замечаемая, *тайная*, унаследованная высшими млекопитающими ещё от примитивных организмов, где она, как у насекомых, является ведущей, – химическая сигнализация, выделения летучих веществ, запахов.

Острота их чувствительности к ним удивительна. Самец насекомого способен найти самку часто за многие километры по пролетевшей от неё в воздухе какой-нибудь одной единственной молекуле.

Но такие запаховые возбудители – феромоны, конечно, служат не только как половые притяги (“аттрактанты”) “брачных партнёров”, но и, наоборот, как отталкиватели, предупредители об опасности, или как прежде оставленные ими меты

пути, указывают направление к пище (например, к цветам) или назад к улью, или к муравейнику и т. п.

Видимо, подобные феромоны действуют также и между людьми, притом не только запахи, доступные нашему обонянию, но и возбудители, пока неясных путей *подсознательно-го* воздействия.

Начиная с прославленного ещё с незапамятных времен мускуса – выделения желез оленя кабарги или самца бобра, которые острым терпким запахом похожи на “аромат” возбуждённого мужчины и тем волнует женщин, за что парфюмеры и догадались использовать его для производства духов; с середины XX века трудолюбивые биохимики - исследователи наоткрывали разных феромонов уже несколько тысяч.

Наша удивительная способность угадывать затаенные внутренние состояния другого человека, особенно любимого, оставляет впечатление и наводит на мысль, что гормоны имеют также какое-то внешнее представительство в каких-то подобиях феромонов, а гормональные системы близких женщин и мужчин способны к общению непосредственно друг с другом, минуя наш ум, подсознательно, через эти феромоны, выделяемые и улавливаемые не только носом, но самой иммунной системой и всем телом и таким способом настраивать друг друга на знаменитую эмоциональную близость, – то, что в прошлые века величали “сродством душ” и без чего, как мы трактовали выше (гл. 5, 10, 11), нет любви.

Хорошо бы экспериментально проверить эту догадку.

Должно быть, у женщин эта феромонная чувствительность значительно острее, хотя бы потому, что им нужнее.

Не благодаря ли этому гормональному общению мало-знакомый человек вдруг оказывается для нас непонятно ≡ “странно” привлекателен?

Хотя все близкие девушки его ругают и отговаривают её, а ей с ним хорошо. И что тут поделаешь? Любовь зла.

А другой вроде бы завалил девушку конфетами, цветами и концертами, мама и вся родня хором за него: красавец, умён, успешен, но какая-то непонятная («странная») отчужденность её отталкивает. Что ей проку от его чинов и богатств для любви? Как ей сидеть с ним в одной комнате, спать в одной постели, если его эмоции и разговоры – ей зевота, а от его запаха с души воротит?

Женщины обыкновенно менее сексуальны, хотят реже, возбуждаются медленнее, а до трети – вообще холодны (фригидны). А отдаются сплошь и рядом всего лишь из желания привязать мужчину к себе, из жалости к нему или из ревности, ради мира в доме, а то и всего-то ради подарков.

Допустив к себе мужчину, женщина зачастую продолжает думать просто-напросто о своих будничных житейских заботах и делах, хотя время от времени постанывает, чтобы бедняга не сомневался, что она ещё жива, а в конце хвалит ошастливленного за его половое могущество.

Поэтому и оргазм у женщин наступает не всегда и не очень им нужен, так что врачи считают его для них вообще необязательным. Правда, если он бывает, то сильнее – до криков, стонов и потери сознания. Впрочем, опытные женщины часто его изображают – имитируют – чтобы польстить и доставить напарнику удовольствие.

А эротичные и сексуально ненасытные «нимфоманки» среди женщин очень редки, что-то в пределах ~ 1%. Такой типаж – преувеличение воспалённой народной фантазии.

И, тем не менее, совокупление для женщины более важное событие – в силу её физиологической ответственности за все его последствия – угрозы беременности и родов.

Горазда больше, чем оргазм, женщин привлекают нежность, касания, поглаживания, объятия, конфетно-букетные ухаживания, но главное – эмоциональная близость, заботливость и обожание, – словом, романтика, как свидетельство любви, следовательно, долговременной верности и готовности к совместному пестованию потомства.

Отсюда же у женщин врожденная *ревнивость*: острая встревоженность, уязвленность и ярость при малейшем признаке, что мужчина заглядывается на другую. Хотя даже появление любовницы вовсе не значит, что муж непременно уйдёт к ней. Жена – как его друг и мать его детей – важнее.

По женской мудрости, глупая жена следит за мужем; умная – за собой, за своей красотой и привлекательностью.

Тщеславный мужчина доказывает свою половую гигантность количеством связей. Женщина – количеством поклонников, обольщенных, хотя не обязательно допущенных.

Короче, мужчина соблазняет, женщина обольщает.

Исключение – донжуаны: они развлекаются, обольщая женщин *изображением* влюблённости, но в итоге вскоре их бросают, а нередко и вовсе не берут, обрекая обманутых бедняжек на страдания. Впрочем, донжуанами бывают также и женщины: мерзавки - красотки обольщают мужчин тоже всего лишь для потехи. Ну, и браво! Молодцы! А мужикам за все женские обиды так и надо! Не правда ли?

Импотенция – частное проявление общей вялости организма, то есть его нездоровья вследствие переутомления, стрессов от разорения, безработицы и других жизненных неудач, а то и болезней, учащенных в старости.

Наоборот, так называемая «гиперсексуальность» – частное проявление общего здоровья организма, поэтому в первую очередь свойственна молодости.

Хотя бывает и показной, только арифметической частотой совокуплений, даваемой просто злоупотреблением деньгами, властью или привлекательной внешностью, как у донжуанов. Не у всех же общественное положение, чтобы распоясаться похоти, такое, как у Наполеона или Екатерины II.

Однако, как все противоположности, гиперсексуальность может вести к обратному – к перевозбуждению: тогда мужчину, особенно юного, от волнения трясет и в решающую минуту оборачивается его импотенцией, к взаимному удивлению и разочарованию обоих любовников, – смешному, хотя несчастным, конечно, бывает тогда совсем не до смеха.

Тогда как секс, сопровождаясь впрыскиванием гормонов, наоборот, укрепляет здоровье, кости, мускулы, сосуды, иммунитет, улучшает восприятие и подавляет чувство боли.

9. Семья

Свадьба и медовый месяц невестам обычно представляются прекрасным венцом любовного романа, великим женским торжеством. Ах, в эту дивную разнеженную пору как-то не хочется тревожно думать, что свадьба – не только свершение, но и начало ещё более сложной эпохи – взаимной притирки характеров и привычек новеньких супругов – уже в бытовой прозе и в сладе семьи. И как-то она сложится? Неизвестно.

Даже сегодня не такая уж редкость малоразвитые молодлицы, далекие от сознания в любви единственной надёжной скрепы семьи. Уповая на официальную регистрацию брака, всякие гербовые печати, они уверены в своей окончательной “победе” – *закрепощении* молодому мужа и на следующее утро предстают пред ним в самом затрапезном виде: под лохматыми космами размазанная по лицу косметика, капризные глаза, хриплый с пропоя голос. Так что пораженный счастливцем испуганно округляет глаза:

– Чур, меня! Что это? Вчера была такая милая красавица, а нынче... Господи! Не иначе околдовала! Ведьма!

По невероятным уверениям историков, в тёмное Средневековье сиятельные женихи нередко воспринимали такую свою версию вполне всерьёз и тут же отправляли новую ведьму в святуго инквизицию, а та дальше – на костер.

Но сегодня инквизиции нет. Беднягу некому защитить от молодой жены, которая уже не сеет любовь, а *требует*, уверенная: теперь он *обязан!* Его встречает не улыбка, нежность, жалоба, задушевность, как ещё недавно, а сердитое лицо, руки в боки – и обвинения, грубость, обиды, ворчанье или тяжелое молчанье, или демонстративный уход к маме. Хотя своими командами и скандалами начинающая жена только отвращает своего избранника и разрушает союз.

Красота нужна не только для очарования мужчины на стадии заарканивания жениха. Любовь, а потому и красота являются цементом семьи – гнезда взращивания детей. И в замужестве тоже надо быть прекрасной и нужной. Чтобы влюбленный мужчина, по крайней мере, лет двадцать не мог тобой насытиться, навосхищаться, налюбоваться, намиловаться. Хотя бы пока дети не вырастут. Это как программа-минимум. А программа-максимум – до самой гробовой доски. Что говорить? Конечно, с возрастом физическая красота меркнет, но для него в милой остаётся очарование.

А как иначе властвовать над мужчиной? Обратить этого опасного норовистого зверя в кормильца и защитника для своих детей? Пусть у него сила и ум, но у нас красота – и ещё посмотрим, кто кого. Прекрасный пол – наше имя не случайно.

Вот почему женщины прямо-таки одержимы красотой. Что у них на уме и на языке? Только и слышишь: наряды, косметика, прическа, походка, манеры, моды. Красота несёт женщине преклонение окружающих, их любовь, заискивание,

цветы, подарки и все блага. Их носят на руках. Перед ними распахивают двери. Как же не беспокоиться о красоте?

Вот почему женщина от природы талантлива в “*сексапильности*” (от англ. sex appeal) – сексуальной привлекательности во внешности и в поведении: большие глаза, дополнительно увеличенные тушью ресниц и раскраской, большие яркие губы (тоже умело подкрашенные), длинные густые волосы (тоже талантливо причёсанные), пышный бюст и осиная талия (ещё затянутая), декольте, томный взгляд, грудной голос, жеманность, заигрывание – флирт, величавая или виляющая походка и т. п.

Вот почему женщина так ликует, когда нравится, и так огорчается, не чувствуя себя восхищающей. От мужского комплимента женщина ещё краше расцветает и благоухает. А без него никнет и увядает, как цветы без дождя и солнца.

Скажи женщине, даже самой замухрышке, какая она красивая – и она сразу распрямится, засияет, закокетничает – и, о чудо! – и, впрямь, вдруг станет красивой. И откуда что берётся?

Да ведь и, в самом деле, даже самая некрасивая женщина прекрасна уже тем, что она женщина.

А скажи мужчине, какой он красивый, – останется равнодушным или удивится, или даже возмутится, а то ещё и драться полезет – издеваешься, дескать.

А ещё спрашивают, в чём различие мужской и женской психологии.

По всей видимости, именно женщины научили красоте и мужиков. Пусть мужчины изобретают и творят, борются и побеждают. Но в чем их награда? Их награда – это мы, женщины.

Ловко же мы их окрутили! Ай, да мы!

В каждом обществе традиции и роли каждого члена в семье складываются исторически, предписываются примером родителей и других знакомых семей и охраняются ожиданиями и реакциями – “санкциями” окружающих: от него все ждут

одного и предопределенного; от неё ждут другого и тоже оп-ределённого, например, по традиционному разделению, что муж должен зарабатывать, быть основным добытчиком, обес-печивать достаток и защиту семьи, а жена должна быть образ-цовым ангелом дома и его образцовой хозяйкой.

Поэтому семейные домострои консервативны, попытки что-нибудь поменять в традициях наталкиваются на общее сопротивление всей родни, знакомых и судов.

Как до начала любовного романа все мысли-тревоги де-вушки были о самом главном:

– Ой, а вдруг никто меня не полюбит? – и обмирала в страхе: Или я никого не смогу полюбить? – и становилось еще страшнее.

Так и после медового месяца она опять обмирает:

– Ой, мама, муж ко мне охладел.

– С чего так решила?

– Стал как-то спокойнее, проще, обыденней что ли. Куда-то исчезла прежняя потрясенность мной.

– Не переживай. Обычная история. Медовый месяц не ве-чен.

– Да, но как же теперь мне с ним держаться? Не знаю. Раньше что ни скажу, со всем тут же соглашался. А теперь, подумать только, возражает.

Обыкновенная ошибка людей, разумеется, не минует и начинающих супругов – уподобление других самим себе. Без тени сомнения мы полагаем, что находящийся рядом человек воспринимает мир точно таким же, как и мы (А как *может* быть иначе? Ведь мир-то тот же самый.), замечает в окру-жающем те же детали, так же понимает их причины и значе-ние для себя, тому же радуется или огорчается. А потом вся-кий раз удивляемся и досадуем, а то и сердимся на отличие его суждений, реакций и всего поведения от нашего.

Взаимные непонимания и ложные понимания \equiv недоразумения отравляют жизнь людей.

Различие стремлений, понятий и способностей супругов неизбежно вызывает меж ними разногласия, поначалу удивительные для обоих. Каждый возмущается:

– Ну, что ни скажи ему (ей), тут же начинает оспаривать. Почему ты не понимаешь меня? Игнорируешь моё желание? Почему делаешь не так, как я?

Обычно он ругает её за болтливость, неопределённое многословие, неумение отделить в обобщенном резюме главное от второстепенных деталей. Она корит его за невнимательность к этим деталям, – к ней, к дому, – «бесчувственность».

И оба уверены, что они правы.

И в самом деле, оба правы. Относительно себя. Но оба неправы относительно другого. В общем, у женщины ориентация не столько на общество, сколько на семью. А он просто неспособен обращать внимание на те “женские мелочи” в быте, в мимике, в интонациях, которые для неё волнующе огромны. А она в силу эмоциональной рассеянности сознания просто неспособна к такой же сухой определённости речи.

Чтобы успокоиться, снять стресс, он опрокидывает стаканчик, рывкает на соседа и садится болеть за футбол. Она ест шоколад и отправляется плакаться к подруге или развлекаться по магазинам.

Так в супружеских спорах – ссорах молодым начинают открываться удивительные, непостижимые различия женщины и мужчины, – и не только всем очевидные – телесные, но и незримые – духовные, – в их самых глубинных основах и установках – и доводят до отчаяния их согласовать.

Но согласовать надо! Если они не поймут эти коренные различия друг друга и не сумеют смириться и считаться с ними, дело кончится разлукой, распадом брака.

Увы. И как же запоздало люди уясняют себе: об этих различиях между людьми, включая различия между полами, не худо бы знать заранее. Как говорится, знать, где упасть, – соломинки подстелить.

Лучше поздно, чем никогда понять, что женщины и мужчины всегда разные. И должны быть разными. Эти различия между ними не только неожиданны и досадны или возмутительны, но и хороши. Потому что именно посредством их женщина и мужчина исправляют и дополняют друг друга. У одного есть то, тоже нужное, чего не хватает другому.

Неопытность в домостроительстве толкает молодоженов на поиски – нащупывание своего пути, и становятся началом их метаний из крайности в крайность.

В браке мужчина получает как будто много всяких материальных удобств, впрочем, сегодня вполне коммерчески заменяемых «общественным сервисом». Но женщина получает всё же больше – главное: так она состоит как женщина, обретёт семью и в ней лучше поднимет детей.

Тогда как мужчина реализуется главным образом на производстве и в общественной жизни. Оттого там и остаются его устремления, а к браку он стремится меньше. Даже когда очарован безумной стадией Кармен.

В общем, чаще всего причиной распада семьи и бывают эти завышенные ожидания жены и заниженные ожидания мужа.

Едва ли не любая жена ждёт принца на белом коне, который устроит ей ежедневный праздник. Но такого счастья, как известно, не бывает. Начинаются разочарования и упрёки мужу. Но чем больше упрёков, тем больше он отдаляется от дома: задерживается на работе, уходит к приятелям, заводит другую женщину – и в итоге семья распадается.

Мужьям, наоборот, свойственны заниженные ожидания: он полагает, что, если он прилично зарабатывает, то от него в семье ничего больше и не требуется. Но где такая женщина, которой, тем не менее, не нужно было бы ещё кое-что и немаловажное? Так раздор запросов и предложений взаимно индуцирует спираль недовольства, ведущую к распаду системы.

Порой удручённые матроны даже удивляются: и почему это женщинам не достанет ума не связываться с этими мужиками? Сколько от них несчастий! И тут проклятым припомнят все грехи. Они и грубияны, и охальники, и коварные изменщики, а часто пьяницы и драчуны. Однако, к нашему общему счастью, укорениться такому отчаянию в женском уме не дано, потому что горе от такого ума – *одиночество*, а тем самым не рождение ею наследниц её генов, опасных для сохранения человечества. Так – опять же естественно-социальным отбором – люди обречены без конца верить обманщикам и страдать от **мудрой глупости любви**.

10.Хозяйка

Для женщины, даже если она ещё где-то работает, её дом – это не просто кров и очаг, как для мужчины, а её мир, в котором она хозяйка, творец и уюта, и семьи. Потому-то две женщины в одном доме редко и трудно уживаются. Каждая хочет, чтобы всё было по её вкусу и понятию. С мужчиной она уживается не в пример лучше. Он редко вмешивается в её дела.

Как лучше уживаются друг с другом и мужчины, потому что их мир широк, простирается далеко за стены дома – туда, где он творит, там и его мысли. А дома он отдохнул, поел, переночевал и ушел – в свой широкий мир.

Даже мать и дочь живут полюбовно, только пока дочь еще не женщина, а ребёнок. Тогда при педагогичности матери они

могут как подруги делиться сокровенным. Хотя мать, конечно, обычно откровенно дозировано, рассказывает о себе не всё, а что считает воспитательно целесообразным. Но едва в дочери просыпается женщина, она вдруг обнаруживает, что мать её не понимает или понимает превратно, ревнует, угнетает и т. д. и у неё пропадает охота к откровенности. Начинается обычный между-женский конфликт. Им пора разъезжаться, пока не накопились обиды и отношения не испортились вконец.

Женщина – как господь бог, поддерживает самую важную погоду – погоду в доме. И кухня этой домашней атмосферы столь сложна, что только её интуиция – сердце позволяет ей мгновенно ориентироваться в ней и реагировать – подправлять. Мужчина тут со своими рассуждениями то и дело выхватывает в ней какие-то частности и абсолютизирует их, не схватывая целого, поэтому часто попадает впросак и только расстраивает домашнюю погоду.

Его извиняет разве что то, что и женщины-то не все обладают талантом домоводства. Хотя для них расплата за ошибки болезненна – распад семьи и одиночество.

В семейных и бытовых делах женщина обычно несравненно умнее своего рассудительного супруга, во всяком случае, здравого смысла являет больше. И умный муж это замечает и признает и не покушается здесь на её главнокомандование.

Старик, глядя на портрет умершей год назад супруги и на комнату, со слезой в глазу дрогнувшим голосом роняет:

– Это её дом – и я здесь ничего не меняю.

Для него эта запыхлённая квартира – драгоценная память о ней, творце этого гнезда.

Хотя ущербный и ущемлённый мужчина боится умных женщин. И что поделаешь? Тут ум женщины заключается в том, чтобы не задевать своим превосходством его самолюбие.

В американских объявлениях знакомств нередко пассажи вроде: «Очень глупая блондинка ищет друга жизни». Едва ли такой текст составлен по глупости. Хотя, рассудить здраво, зачем ей такой закомплексованный “друг жизни”?

Самая дружная семья – где лидеров два, хотя и разных. Один лидер – строгий и рассудительный, обычно муж. Другой лидер – ласковый и эмоциональный, обычно жена, которая предпочитает поговорку: пусть себе потешится мужик, повоображает, что он голова, которая всё обдумывает и решает. Но женщина – шея, которая поворачивает эту голову в нужную сторону, на что ей смотреть и чем озаботиться:

– А у сына-то ботиночки порвались.

Скоро ли это заметит сам папа? – ещё вопрос.

Жена – всеми любимая мама и распорядитель, фактическая хозяйка в доме, её царстве. Но щадя мужскую гордость, она делает вид, что муж главный. Умный мужчина это тоже понимает, но тоже делает вид, что он главный. Внимательно выслушивает её и обстоятельно рассуждает. Она учитывает, что во внешних делах он разбирается лучше, но во внутрисемейных делах направляет его сократовскими вопросами, подсказывает доводы и ловко подыгрывает. Наконец, он веско изрекает *своё* решение, – как раз то, которое и хотела *она*. Декор соблюден. Муж – уважаемый глава семейства. И все довольны. Семейная демократия.

И оба свято берегут авторитет друг друга перед детьми. Не уважить её, матрону или его, патриарха – ни-ни! И не подумай! Непререкаемы. В семье мир и лад.

Счастливое семейство – и одинаковое, как все счастливые, образец для подражания, матрица для тиражирования.

Жаль, часто с дефектами. То мать нерассудительно чересчур добра, – дети избалованы и не уважают ни мамы, а за ней

и ни отца. То отец чересчур неудачлив в своих трудах и оттого дома раздражителен, не строг, а груб, а то и буен.

11. Возникновение рода и семьи

Семья – заветная мечта и открытая или затаенная цель любой нормальной девушки. Но институция семьи существовала у людей не всегда и не всегда была такой, как современная супружеская, какая преобладает нынче, так называемая малая, нуклеарная (ядерная) – состоящая всего из двух супругов и их детей.

У наяпитеков, должно быть, также как у нынешних шимпанзе и особенно павианов, никакого хотя бы подобия семьи не было вовсе и даже сексуальный импринтинг только намечался в зачатке. (Гл. 3, 5). В стае хозяйничали наиболее сильные матерые самцы, а молодые, еще слабые для того, чтобы противостоять могуществу “олигархов”, набираясь сил, паслись в изгнании на окраине.

У самого матерого “доминантного” самца (“вожака”) была претензия на захват *всех* самок, нечто похожее на “многоженство” (“*полигамию*”), но реально он довольствовался предпочтением одной – трех любимиц. Остальные самки, обделённые вниманием “монарха”, посматривали налево, на окраину стаи, где тайком или не очень тайно и грешили с горячим молодняком. А любимицы монарха, как бывает и сегодня, “злоупотребляли своим положением”, отбирая добычу у других – избранных, “простых самок”, то и дело пронзительно испуская обиженное жалобное верещание, чтобы навлечь гнев “хозяйна” на обидчицу за то, что нахалка не уступает фаворитке своего только что пойманного рака. Первый опыт женской интриги, еще на обезьяньем уровне.

Но когда для успеха в организации общей охоты, изготовления орудий и поддержания огня возникла необходимость,

“настала пора”, наконец, прекратить в стае раздоры и драки из-за пищи и самок (см. гл. 5), тогда возник род.

Правда, обычная неспособность человекообразных предков установить между собой мир поставила их на грань исчезновения. Так около 1,6 – 0,9 млн. лет назад едва начавшийся антропогенез едва тут же не закончился. Мне думается, именно этим объясняется давно поражающий палеоантропологов приходящийся как раз на это время зияющий пробел в находках костных остатков питекантропов.

Должно быть, их стада были поставлены перед жестким нецеситным выбором, альтернативой: либо замена раздоров и драк умирением и благодаря этому объединение усилий, организация совместного труда, либо голодная гибель. И, похоже, большинство обезьяньих стад наяпитеков так и не смогло обуздать свои инстинкты, прийти к миру и от недоедания вымерло, хотя оставаясь в приятной гордости своей непобежденной драчливостью: Слава героям! Вымрём, но не смиримся.

Видимо, выжили совсем немногие стаи наяпитеков, те, которые каким-то образом сумели-таки перейти от стадной стаи к роду, к запрету половых связей внутри собственного рода, разрешения их исключительно *вне* (экзо) своего рода, там, на стороне (установления “экзогамии”). (См. гл. 4 - 5).

Как видим, первобытный род был не благим пожеланием, а единственным способом *выжить*, тоже вынужденным необходимостью.

Первобытный род (“родовая хозяйственная община”) был “материнским” (матрилинейным): тогда каждый предчеловек мог уверенно знать только свою мать и родственников по матери: своих братьев – сестер от матери, вокруг которой они и росли, а отцы у них с годами менялись и могли быть разные и неизвестные. Охотник нес добычу к очагу любимой не потому,

что он папа всех её детей, а потому что он любит их маму, – как нередко водится и сегодня.

Поэтому такой род мог состоять максимум из двух - трех десятков человек, ну, едва ли чуть больше, – сколько за всю жизнь были способны родить и вырастить одна или несколько состоящих в родстве женщин (сестер или дочерей).

Вот внутри таких родов половые связи запрещались, а между ними (братствами, *фратриями*) – разрешались.

А степень родства определялась еще не индивидуально, а сразу для целого *разряда* предлюдей. Л.Г.Морган, первый заметивший это у ирокезов, именовал её классификационной. *Любой* мужчина из своего рода и приблизительного одного возраста назывался *братом*, любой мужчина на поколение, то есть лет на пятнадцать-двадцать старше назывался *отцом*, женщина- ровесница – *сестрой*, а постарше – *матерью*; все младшее поколение – *племянниками* (отсюда имя объединения родов – “*племя*”). Такие обращения друг к другу сохраняется в разных языках и до сих пор.

Но первые исследователи поняли матрилинейный род на собственный современный им лад, ошибочно толкуя его как власть женщин ≡ “*матриархат*”, а экзогамию – как “*групповой брак*”.

Между тем женщины никогда не угнетали мужчин. Иначе, чем любовью. Но никогда насилеи. Да и как бы они это могли сделать? Никакого “матриархата” никогда не было.

Так же как не было и “группового брака”. У полосвязанных родов – фратрий не было ни общих детей, ни общего дома, ни общего хозяйства, и никаких прав и обязанностей вступать в половую связь, – никакого бывшего животного безнормного секса (“*промискуитета*”, “*свального греха*”, “*сексуального коммунизма*”). Все мифы о нём – пустые фантазии. Было только согласие на выбор во фратных родах для себя симпатии и

складывались влюблённые или, по меньшей мере, *симпатизирующие* пары.

Однако и у этих пар тоже не было никакого общего хозяйства и никаких общественных *обязательств* и *запретов* половой связи; никто им здесь не был указ, это было их личное дело, так что даже их именовать “парным браком” представляется преждевременным. Были только *любовь* или симпатия и – соответственно – *ревность*, которая, однако, не могла выражаться, как у современных супругов, в брани, потасовках или жалобах в инстанции, тогда не существующие: этим только оттолкнешь, – как они бессмысленны и ныне между незарегистрированными влюбленными. (О чём дальше.)

Ядро семьи составлял союз матери и детей, а мужей могло быть несколько, поочередно или даже и одновременно. Так же, как и у мужчины могло быть сразу несколько таких жен.

Такой “родовой строй” более-менее завершенно сложился, видимо, ~ 1 - 0,8 млн. лет назад. В итоге драматический кризис закончился спасительным превращением наяпитеков в формирующихся людей, *предлюдей*. (Как их называют антропологи, в “*питекантропов*”, “*верхних хабилисов*”) ¹.

Но приблизительно с 200-40 тысячелетия назад предледниковые лесостепи Азии, севера Африки и юга Европы стали подниматься к северу, тесня влажные тундростепи и промозглые полупустыни на территории современных Англии, Германии, Польши, России и ведя к вымиранию их гигантских обитателей: стад мамонтов, шерстистых носорогов, овцебыков, большерогих оленей и других крупных животных, а с тем и охотников на них – пещерных медведей, саблезубых тигров и физически мощных, но тяжеловесных питекантропов – неандертальцев.

¹ Подробнее см. *Л. Ибраев*. Наяпитеки. Происхождение человека. Изд. “Стринг”, 2010. Гл. 5. ISBN 978-5-91716-035-1

В лесостепи былых гигантов сменяют средние и мелкие животные; прежние засадные и загонные способы охоты на которых становятся малопродуктивными, и 40 – 15 тыс. лет назад неандертальцев в них сменяют не столь мощные, но более быстрые и ловкие кроманьонцы – люди анатомически и физиологически современного типа, *Homo Sapiens*.

Недостаток белковой пищи вынудил их перейти к микролитической технике среднекаменного века (мезолита): мелкие заостренные каменные вкладыши в составные деревянные и костяные рукоятки, закрепленные в них смолой и бечевой, позволили изобрести лук, стрелы и копьеметалки и перейти к дистанционной охоте, с большого расстояния, даже в одиночку и даже в лесу, с выслеживанием и подкрадыванием к мелкой дичи, а также к рыбной ловле с помощью острог, сетей, запруд и вершей².

Таким образом, усовершенствование топоров, копий, ножей, луков и т. п. каменных и костяных орудий на деревянной рукоятке достигло такого уровня, что *снова*, как у наяпитеков, сделало эффективной *индивидуальную* охоту и рыболовство, но теперь уже также пусть не на гигантских, но и на сравнительно крупных животных, и обусловило постепенный возврат сапиенсов к ней, отчего добыча и оказывалась в распоряжении уже не рода, а отдельного охотника.

Так индивидуальный труд вызвал распад родовой общины на отдельные патриархальные семьи, новые хозяйственные организации, «ячейки», объединения вокруг мужчины-патриарха, добытчика, кормильца, от которого находятся в зависимости женщины и дети.

Патриархальная семья – это не нынешняя малая, нуклеарная семья, состоящая из супругов да их детей, а старинная

² Там же, с. 68 – 71, 83 – 85.

“*большая семья*”, которая включала братьев и сестер, родных и двоюродных, и самых дальних родственников: дядей и тетей (братьев и сестер родителей), племянников, свекра и свекровь (отца и мать мужа) и в обратном отношении – сноху (жену сына), деверей (братьев мужа) и золовок (сестер мужа), – почти забытые ныне званья. Только родители жены (сватья) – тесть и теща, зять (муж дочери), шурин (брат жены) и свояченица (сестра жены) благоразумно относились к другой семье. Ныне с этими родственниками поддерживают разве что дружеские отношения встреч и взаимной помощи, но живут малыми супружескими семьями.

Однако в ту охотничью пору кормильцами матерей бывали не только возлюбленные, но ещё и братья и дядья, да и женское занятие – собирание диких плодов – оставалось довольно эффективным подспорьем к охоте. Поэтому сохранялся также и род.

Родство стало определяться как по матери, так и по отцу и стало *индивидуальным* – со сложной структурой его званий. Открылись тысячелетия соперничества рода и семьи.

При этом молодые девы, вокруг которых влюбленных было много, понятно, стояли за любовь, а пожилые женщины, у которых была куча детей, но дефицит возлюбленных, естественно, надеялись больше на род и ревниво следили, чтобы их братья и сыновья любили не чересчур щедро.

В этом *трансформационном* состоянии соперничества и перехода рода и семьи многие аборигенные этносы Африки, Азии, Австралии и Америки находились до самого XX века, а некоторые сохраняют его и сегодня.

Только в неолит ~ с 7 -5 тысячелетия назад – с распространением обработки каменных орудий трением, развитой охоты или скотоводства и оседлого мотыжного и пашенного земледелия – дела мужчины – и родство стало важным также

для *наследования* детьми семейной собственности на эти богатства и потому стало определяться преимущественно по *отцовской* линии – владельца скота, инвентаря и урожая. Род стал отцовским, патрилинейным и патриархальным, с доминированием в нем мужчины – хозяина. Началось социальное *расслоение* (“ранжирование”) людей по богатству и положению, а с тем и *угнетение* женщин.

Но *хозяйственные* функции **род** потерял: работать стали не родом, а семьями; а за родом (кланом) остались только регулирование брачных отношений и взаимная защита.

Родовую хозяйственную общину сменила *община соседская* (территориальная), по-русски, *мир* (в смысле “моя деревня”), состоящая из многих семейных хозяйств, которые часто были из разных родов, особенно у земледельцев.

Соседская община оставалась необходима преимущественно для взаимопомощи на некоторых особенно тяжелых работах, нужных и посильных всей общине: на корчевке леса, подъеме целины, общем выпасе скота, строительстве плотин, ирригационных каналов, дорог, мостов, мельниц, укреплений, взаимопомощи при стихийных бедствиях и в защите от бесчисленных врагов в мире, где нет государственной защиты.

Поскольку земля отвоевывалась у леса или степи *общими* усилиями, то она и оставалась *общинной* собственностью с частыми переделами между семьями – *наделами* во временное пользование и владение, и лишь позже, как в античной и германской общине, – стала переходить в частную собственность.

Но у *скотоводов* объединения усилий семей требовала в первую очередь **охрана** стад и районов кочевья; поэтому **кочевая община** стала прежде всего **военной** организацией родственников и родственные отношения в ней поддерживались несравненно строже, чем у земледельцев. Это долго и давало кочевникам военное преимущество.

12. Возникновение красоты и совести

Но какая может быть любовь без красоты? Если даже сам женский пол осенён синонимом пола прекрасного? Если каждая красавица, творчески работая с утра перед зеркалом над своим образом, сама себе имиджмейкер? В какого человека вы хотите влюбиться? В красивого. В каком доме предпочтете жить? В красивом. Какой товар купить? Красивый, хотя качеством он может быть и хуже.

Откуда в бывших животных чувство прекрасного и его изломов: безобразия, комизма, величия, трагедии, фарса и т. п. **эстетические** оценки? Что такое красота?

Оценки и идеалы не могут быть *изображением* и тем более “*отражением*” действительности, потому что способны её осуждать и требовать иной. Откуда же они? Что они такое? Как добро и зло может быть объективно в мире, если одну и ту же вещь люди оценивают различно: то, чем один восхищается, то другой осуждает. Может быть, они *всего лишь субъективные* эмоции и фантазии, – наше творчество?

Однако если ценности субъективны, то почему мы не в силах восхититься тем, что нам отвратительно, и отвращаться от того, что нам восхитительно? Что-то независимое от нас оказывается сильнее нас и препятствует нашему произволу в оценках. Выходит, в ценностях все же есть что-то объективное. Но что?

Или в них проявляется нечто *потустороннее*, божественное? Но тогда они для нас должны быть в принципе непостижимы.

Как разрешить всплывающие противоречия?

Здесь неуместно сколько-нибудь развернутое введение в эту сложную проблематику оценок и идеалов, тем более в её

анализ ³ и приходится ограничиться выводами из них, здесь только намеченными, но достаточно не обоснованными.

Начало добра и зла и других ценностей – и их осознания в оценках и идеалах коренятся в объективных отношениях между человеком и миром, включая сюда и общество, а именно в отношениях действительности и *необходимости* (см. гл.1).

Коренное отличие человека от остальных живые существ – не только приспособление себя к окружающей природе, но еще её приспособление к себе \equiv производство “очеловеченной природы”, а, поскольку она уже противостоит окружающему миру, её точнее именовать **человеческим миром**, то есть миром приспособленных \equiv служащих человеку систем, – как живых (других сотрудничающих людей и прирученных животных), так и орудийных (от инструментов до машин и роботов) и бытовых: жилищ, печей, одежды, дорог и т.п.

Возникновение человека есть всегда возникновение человеческого общества; антропогенез – всегда еще и социогенез, и всё больше – биогеоценоз – преобразование природной среды обитания, неживой и живой. Поэтому-то в этом процессе эволюции круто меняются человеческое сознание и культура, но физический тип человека почти перестал меняться; отбор стал естественно-хозяйственно-социальным.

Поэтому и закон необходимости (ср. гл.1) применительно к обществу требует соответствующих дополнений:

Необходимость – это такие объективные обменные отношения людей и созданных ими систем (!) с миром, которые *вследствие естественных причин и законов* являются **условиями** их существования в своем качестве *на уровне их развития*, так что без них или без подобных им **заменителей** человек и созданные им системы не могут сохраниться в сво-

³ См. **Л.И. Браев**. Ворота философии. Изд. МарПИК. 2004. Главы 5; 11. ISBN 5-97898-253-6

ем качестве, впадают в “застой” (≡ то есть не могут развиваться для приспособления), а поэтому затем – в деградацию, разложение и в итоге погибают.

Понятно, что *разлад* действительности и необходимости причиняет страдание и воспринимается **злом**. Если необходимого отношения нет, то это значит только – есть гибельное отношение (≡ пагуба): жажда, голод, холод, технические неполадки, плохое управление и т. п. Именно гибельное отношение устремляет действия живого к необходимому. Жить заставляет гибель; жизнь есть борьба со смертью.

Закон необходимости вытекает из ее определения:

Люди *свободны* следовать необходимости или погибнуть.

Тем самым и в этом смысле необходимость заставляет людей действовать для достижения своего условия. Необходимость и есть то, что направляет человеческую практику.

Но беда в том, что необходимость *незрима*, потому что она не вещь, а именно отношения между вещами; поэтому, в чем она заключается, *невозможно увидеть*; это само еще необходимо либо **понять**, либо, если повезёт, обрести вслепую. Но ни то, ни другое совсем не гарантировано.

Притом необходимые отношения далеко не всегда те, что существуют в наличие, а часто как раз те, каких еще нет. Поэтому отсутствие необходимости, её отличие от действительности, есть то, что величают потребностью (1-е значение этого слова), а её переживание – *нуждой*.

Эта отсутствующая часть необходимого является нам в мучительном состоянии нашего сознания и тела или дела, как *внутренние* потребности (2-е значение) – выработанные естественным и социальным отбором *представительство* (репрезентация) необходимости в организме или в человеческих системах, в его нейрогормональном состоянии и других физиологических процессах и их проявление в чувствах, и в ча-

стности во внутренних ощущениях – от биологических побуждений и до знаний разума и в процессах человеческих систем, их ладах или разладах. Так модусы необходимости воплощаются в самом существе человека и его мира как его **направители**.

Однако и в этом (2-ом) смысле нашего состояния и идеи потребность тоже не тождественна необходимости; путать их неверно. Потребность *субъективна*, при её удовлетворении гаснет, а может не соответствовать необходимости, то есть быть *ложной* – как потребности наркомана или фанатика ложной идеи. Тогда как необходимость существует не в нас, а **объективно**, как отношение между миром и нами, не перестает существовать и при нашем благополучии и не бывает ложной, но всегда истинна – по её определению как само объективное отношение.

Разлад действительности с необходимостью (\equiv пагуба) предстает людям как **зло** – состояние бед, затруднений и страданий по непонятной причине и – соответственно – с непонятным способом их преодоления; поэтому захватывает все наше внимание и мысль.

Это состояние знакомо всем исстари и именуется беспокойством, заботой (Sorge, anxiety, trouble). В XIX веке, в особенности применительно к обществу, публицисты стали называть его *”вопросом”* (аграрный вопрос, женский, квартирный и т.п.), а с XX века – чаще **проблемой**. Впрочем, редко различая проблему *теоретическую* – непонятное противоречие теории и фактов и *практическую* проблему – разлад дел и их результатов, хотя, конечно, разлады мысли и дела едины.

Необходимость – царица капризная. Она не говорит своих повелений – догадайся сам, а только карает за их неисполнение. Нарушитель ее велений обречен и может лишь оттянуть конец, пока позволяют его **резервы**. Увы, и в истории, и в на-

стоящем неоглядна печальная череда зияний, когда люди и целые народы оказываются неспособными свою необходимость постигнуть или достигнуть и исчезают. Как в антропогенезе погибли все наши обезьяньи предки – наядпитеки (гл. 9).

И как **может погибнуть** и всё современное человечество, если не поднимется на свою следующую необходимую ступень развития. (Об этом дальше).

Соответствие действительности и необходимости обеспечивает удовлетворение потребности и переживается **благом**. Поэтому благами называют и сами средства удовлетворения материальных и духовных потребностей: солнечные лучи, земля, хлеб, мотор, медицинская консультация, музыка и т.п.

У обезьян, собак и т. п. высших животных *задерживаемые* рефлекторные реакции превращаются в **эмоциональное** восприятие мира. В эмоциях гибельное или необходимое для самосохранения подразделяется на противное или приятное, страшное или успокоительное, печальное или радостное и т. д., что для поведения означает деление на принимаемое и манящее или избегаемое и отвергаемое.

Животное эмоциональное разделение мира сохраняется и у людей и даже существенно усложняется; а производственно-общественная жизнь преобразует его в человеческое ценностное: труд вызвал разделение воспринимаемого в совершенно новом отношении: на *полезное* и *вредное* по существу и на *красивое* и *отвратительное* по его облику, а общение – на предосудительное и похвальное, возмутительное и справедливое, словом, – нравственность.

В совокупности ценностное разделение величается делением на добро и зло, прекрасное и безобразное, или, говоря по-житейски, – на хорошее и плохое, или по-книжному, на положительное и отрицательное, позитив – негатив.

Не вдаваясь в подробности, в общем можно определить так: ценности – или, на литературном языке, – **важное** (смешно зло именовать “ценностью”) есть действительность, как-то касающаяся необходимости, – необходимая (нецеситная).

Приводя к распаду и гибели, разлад между действительностью и необходимостью и есть **зло**. Лад между действительностью и необходимостью несет удовлетворение потребности и является **добром**. А то, что никак не относится к необходимости, остается *безразличным* (неважным, нейтральным).

Важность многообразна: она бывает физиологическая (тепло, голод и т.д.), бытовая (утилитарная: благо, вред, опасность и т.п.), технологическая (польза, эффективность и т. п.), разная духовная: языковая, эстетическая (прекрасное, безобразное и т. п.), познавательная (истина, доказательство и т.п.), моральная (доброе, дурное, добродетель, порок, долг и т.п.), политическая (свобода, угнетение, демократия и т. п.), экономическая (товар, цена, доход и т. п.), – все это разные генетические уровни важного (\equiv “ценностей”).

Ценности объективны как взаимные отношения объекта и субъекта. Их первичная сторона – отношение объекта к субъекту. Ценность вещи – ее возможность оказать какое-то необходимое действие на нас, последствия для нас, так называемое “значение”, – значимость, *Geltung, importance*.

Вторичная, производная сторона ценности – духовное отношение субъекта к объекту, его оценки и идеалы, – “ценностные идеи”, а за ними – и действия.

В разуме и в искусстве познание необходимости является нам в оценках и идеалах.

Оценка означает восприятие – понимание реалий в категориях добра или зла – приязнь или неприязнь, одобрение или осуждение. Разлад действительности и необходимости пере-

живается как *страдание*, возникновение их разлада – *горе*, их несоединимость – *трагедия*, возникновение лада – *счастье*.

Идеалы есть образы необходимого, а именно типичные образы добра. *Антиидеалы* (черноты) – образы зла. А **тип** есть обобщение похожего, подсознательное колейное или теоретическое.

Разумеется, как и всё на свете, необходимость меняется вслед за изменением взаимодействия с нами мира. А за нею меняются её отношения с действительностью, а их разлады меняют и наши потребности, идеалы и оценки.

Противоединство оценок и идеалов претворяется в их циклическом развитии. Идеалы вырабатываются из оценок в практике осуществления прежних идеалов, но как раз потому, что сами оценки совершаются *сквозь* идеалы.

Восприятие мира *сквозь* идеалы и черноты делает его **эстетическим**.

Вещи, похожие на идеалы, предстают для нас прекрасными. Таким образом, прекрасное есть типичный (идеальный) облик добра, а типичный облик зла – безобразное: дурное, мерзкое и т.д.

Иначе говоря, **эстетическое** есть воспринимаемая форма ≡ **облик** ценностей. Оттого-то нередко противоречит их существованию. Так, драгоценные камни, сверкающие разноцветными прозрачными огнями подобно воде, листве, небу, мы видим прекрасными, хотя до последнего времени они были бесполезны, а полезные жабы и лягушки выглядят отвратительными, оттого, что холодной осклизлостью напоминают трупное гниение.

Мы видим мир *сквозь* свои **идеалы** и антиидеалы, – оттого-то он для нас разносветен, предстает нам прекрасным и отвратительным, трагическим и смешным.

Таким образом, красивое диктуется необходимостью.

Почему женщина ценит в мужчине отличительные мужские качества? Высокий рост, треугольная фигура, широкие плечи и мускулистые руки и ноги, твёрдый взгляд, мужество, ум, мастеровитость, юмор? Чуть обнимет – ой, больно, но хорошо. Чего хорошего-то, если больно? Сама не знает, но нравится. Снисходительно подшучивает над ней, но почему-то нравится. Очевидно, потому что такие достоинства необходимы добытчику и защитнику семьи. А юмор – это проявление быстрого ума, психологической проницательности и внимательности к другим, стало быть, уживчивости. Если – бирюк, как ему в семье и в другом коллективе ужиться?

Мужская красота есть облик качеств необходимых мужчине по его общественной функции.

Почему мужчину в женщине привлекают её особенные женские качества? Как физические: большие ясные очи, певучий голос, припухлая и плавная грушевидная фигура, пышные бёдра, изогнутая узкая талия, мягкая округлая грудь, – так и духовные: кокетство, нежность, доброта, верность, домовитость. Ну, и ещё многое другое подобное и тоже типичное. Он и сам не знает. Примагничивают и все тут.

В своем гордом самомнении мужской пол склонен воображать, что мягкие холмы грудей, пышные бёдра и вся прочая женская роскошь создана природой именно для него, для его обольщения и услаждения. Потому-то она ему и нравится.

Увы нам, самовлюблённым гордецам. Это иллюзия, хотя банальная.

А на самом деле, всё как раз наоборот: все эти половые особенности женщин возникли не для нас, а потому, что они необходимы для ребенка, чтобы его зачать, родить, вынянчить и вырастить.

Женщины не потому нравятся мужчинам, что красивы. Наоборот. Женщины красивы, потому что нравятся мужчи-

нам. А нравятся им как раз те их достоинства, которые необходимы потенциальной матери семейства.

А мужчины, которых эти материнские качества не привлекают, всякие там половые “*девианты*”, пресловутые неуловимые женоненавистники (мне почему-то не доводилось таких встречать), именно поэтому просто бесследно вымирают, не оставляя наследников своих импринтингов и генов “*порочных*” (≡ пагубных для воспроизводства человеческого рода)⁴. Естественно-социальный отбор.

Вот почему мы, уцелевшие в естественно-социальном отборе, и обречены природой восхищаться и упиваться этими телесными и духовными знаменами материнства. В мучительно-сладостной любви к ним.

Аналогично нецеситное происхождение у женщин идеала *мужской* красоты. Женщины, которых типичные необходимые мужские качества не привлекают, тоже умирают, не оставляя в потомках своей порочной наследственности. Естественно-социальный отбор.

Но затем как раз поэтому, в силу необходимости для мужчины нравиться женщине, женский идеал мужской красоты становится также и мужским идеалом мужской красоты.

Таким образом, типичный облик необходимых достоинств человека и предстает для людей красотой. Прекрасное – радует глаз; хорошее – радует сердце. Но будь хорош – и предстанешь прекрасным.

Однако эти идеалы и оценки, конечно, во многом индивидуальны. Для других он самый прекрасный, а ей почему-то не нравится, не тянет к нему – и всё тут, а какой-то замухрышка вдруг приворожит – и конец, а чем – непонятно.

⁴ Подробнее см. *Леонард И. Браев*. Колеи любви и ненависти.// Познание и очарование. 2013. Глава 2.2.18. ISBN 978-5-906541-03-1

Факты раздора добра и красоты особенно больно поражают литераторов. Лермонтов чеканил контраст: «Как ангел, мила и прелестна, как демон, коварна и зла». Л. Толстой в своей знаменитой эпопее настойчиво оттеняет внешнюю нескладность лица и фигуры Марии Болконской, но её душевную красоту – доброту, и антиподом к ней – внешнюю красоту Элен Курагиной, но её душевную гадость.

Поэтому опыт учит нас судить о людях не по их телесной внешности, а по выражению (экспрессии) их глаз, лица, голоса, где истина души и фальшь притворства заметней. А еще надежней – по их поведению. Хотя и они бывают обманчивы.

Язык поднимает эстетическое восприятие мира на следующий уровень оценки – **нравственность**.

Благодаря взаимодействию с другими людьми и общению, особенно благодаря *речи*, прежде всего нашей “внутренней речи”, человек обретает способность к эмоциональному и эстетическому восприятию не только внешнего мира, но также и самого себя как личности в обществе и в природе – к **самосознанию**, соответственно обретает идеаловое и оценочное восприятие также и себя – и не в состоянии исключить себя из собственной оценки.

Однако восприятие других людей и себя через идеалы делает человека еще и **нравственным**. Таким путём эстетическое – **красота** порождает **нравственность**.

Общественная важность превращает наши действия ещё и в *поступки* и *поведение*. Поведение, сообразное идеалам, почитаются *добродетелями*, а противоречащее идеалам – *пороками*.

Оценка себя, своих переживаний и поступков по идеалам окружающих, их глазами и есть стыд (осуждение глазами других) или гордость (одобрительная самооценка).

Совесьть есть оценка себя по своим собственным идеалам. Одобрение и удовлетворение собой есть чистая совесьть, осуждение и недовольство собой – угрызения совести, даже вопреки корысти.

Долг как внутреннее чувство есть осознание идеала поступка в своей конкретной ситуации. Долг строится вовсе не на каких-то там умствованиях или расчетах. Часто мы следуем долгу, даже не думая о нем, просто по внутреннему давлению. А причина в том, что нравственный долг в человеке зиждется на его идеалах, вырабатываемых практикой сообразно необходимости. Чувство долга есть наша идеаловая самооценка.

Эти самооценки и образуют **нравственность** человека, его *внутренний* духовный регулятор, хотя и общественный по способу происхождения. Поэтому нравственность направляет поведение человека, даже когда он наедине, вне общественного контроля и какого-либо воздаяния, поэтому способна подвигать его на *бескорыстие* и даже самопожертвование.

Конечно, у человека есть инстинкты, но они в нем подавляемы; едва ли не чаще он следует вовсе не им, а открываемой опытом и разумом необходимости. Просто в своей биологической части она, понятно, совпадает с инстинктами, что и создает впечатление подчинения им.

Надинстинктность – вот что поднимает нас из животного в человека, даёт способность на благоразумное самообладание – и оно постоянно являет себя в нашем воздержании от пищи, от гнева, от страха, от секса и т.д. и в побуждении себя к труду, к терпению, к вежливости и прочим необходимым действиям вплоть до самоотверженности подвига и подвижничества и вопреки нужде, усталости, корысти, опасности и прочим инстинктым препятствиям.

Но ждать воздержания, приличий или трудовой самодисциплины от животного смешно. Разве что некоторые их за-

чатки наблюдаются у прирученных людьми высших животных. Впрочем, так же, как не отличаются самообладанием и неразвитые люди, потому и осуждаемые за распущенность.

От рождения человек является преимущественно биологической особью; и только в социальном опыте он обретает самосознание, самооценку, стыд, совесть, идеалы, мнения, цели, самоконтроль и ответственность, способность властвовать собой, своим мышлением, волей и поступком, – и как индивид развивается – вместе с обществом: подавленный и угнетенный «всеми» в общине и фициалиях, как древних, так и современных, тоталитарных, а в противостоянии гнету он все чаще поднимается до свободной и самотворящей личности.

В обществе нравственность переходит в **мораль** – вследствие того, что в обществе необходимость в существенной части принимает форму межличной *зависимости*.

Зависимость есть объективное материальное и духовное отношение живого с внешним *источником* необходимого: зависеть от реки, от почвы, от погоды, от угля, от машины и т.д. и, в частности, – от других людей, дающих необходимое или препятствующих его обретению. Зависимости и образуют объективные скрепы общества.

Вот эти *межличные зависимости* человека от его сообщества (социума) и превращают нравственность в **мораль**, где одинаковые личные идеалы поведения отбираются в идеалы *общественные* ≡ *нормы*. Одинаковые личные оценки отбираются в *общественный суд* и *общественное мнение*.

Личные реакции одобрения и осуждения складываются в общественное воздаяние, *санкции* – от духовных: восхищение, почет, слава или смех и презрение – до материальных: награды и другие поощрения или ущемления и отвержения в необходимом. И в условиях *зависимости* общественные мнения и воздаяния и становятся серьезной охраной норм морали.

13. Красота и совесть в родовых людях

К сожалению, материальных фактов, как-то свидетельствующих об образе жизни предлюдей, сохранилось мало, чтобы его подробно и надежно реконструировать; тем более трудно судить об образе их мыслей. Науке здесь приходится быть сугубо осторожной, избегая недоказанных фантазий.

Судя по находимым в раскопках и в пещерах первобытным рисункам, фигуркам, орнаментам и другим следам палеоантропологических зачатков искусства и по аналогии с этносами вроде ведов, бушменов и т. п. аборигенов Азии, Африки, Америки и Австралии, сохранявшими архаичную культуру даже до XX века, женское кокетство, украшение себя бусами, пудрой, охрой, татуировкой, листьями и т. п. существуют у людей с каменного века. И даже у поздних питекантропов эстетические оценки, видимо, уже были. И не только восхищение красотой или отвращение к безобразию в людях и в природе, но и оценки поведения людей, как трудогового: силы, выносливости, смелости, сноровки, мастерства и т.п., так и общественного поведения: заботы, доброты, нежности, грубости и т.п.

У формирующихся людей складывались душевные качества и выше инстинктных, надинстинктные, надзвериные: любовь и самоотверженность – подвиги защиты родных и жертвенности, вплоть до того, что тогда в общий голодный мор старики сами добровольно отдавали себя на съедение родне – ради её спасения, как это бывало у субарктических народов ещё в начале прошлого века.

Следовательно, у поздних *питекантропов* уже была определенная нравственность: оценки (одобрение – осуждение) друг друга, общественное мнение: уважение умелых добытчиков и

старейшин за их смелость, опытность, догадливость и т. п. доблести – и оценка самих себя: стыд, совесть, гордость и т. п.

В родовой общине выделяются признанные *старейшины*, чей авторитет и лидерство основывались уже не на страхе перед их преимуществом в силе в драке, как у вожаков (доминантов) животного стада, а на уважении к их спасительным для всех качествам: уму, знаниям и умениям, которые давались лишь жизненным опытом.

А что значат находимые археологами первобытные женские статуэтки и внушительные каменные статуи с их преувеличенными на древнекаменный вкус формами бедер и груди, эти предтечи Афродиты, Геры, Афины, Венеры? Не свидетельствуют ли эти богини с неизвестными нам именами, что у родовых людей уже было не только обожание женщин, но буквально их обожествление – культ? А гипертрофия их женских форм телосложения недвусмысленно говорит, что в них ценили достоинства именно женские.

А как иначе понимать эти “каменные бабы”? Только представьте себе или попробуйте гигантский труд их ваения из камня – без инструментов, по существу голыми руками, единственно с помощью других камней – и вы почувствуете всю безмерность обожания женщины нашими пращурами. Куда там Фидию и Праксителю до энтузиазма этих первобытных скульпторов.

Однако крайняя первобытная нужда: отсутствие прибавочного продукта, а часто и хуже того, – недостаток благ, обычные голодовки с общим мором делали невозможными тогда общественные санкции – какое-то существенное ущемление или поощрение: не из чего. Как можно поощрить одного родного человека, а, значит, ущемить других родных, обречь их на голодание, потому что и без того всё в обрез или в нехватке?

Должно быть, эта трудность моральных санкций вынуждала тогда отвечать своевольникам не только их осуждением или осмеянием, или ограниченным бойкотом, но и такими суровыми карами, к каким позже прибегали за нарушение государственных юридических законов, – смерть или изгнание, что тогда было чаще всего равнозначно смерти.

А без серьёзных санкций невозможна и **мораль** (гл. 12).

А, следовательно, тогда не могло быть также и диктатуры общественного мнения над зависимыми людьми ≡ **корпоративного догматизма (идеологического доктринерства, ортодоксии)**⁵, – того отвратительного обыкновения, которое стало самым заурадным в человеческом обществе позже, в историческое время и донныне, когда все корпоранты **знают** правду, но помалкивают о ней, а говорят контрфактную **ложь**, – как раз в силу своей *зависимости* от корпорации из корысти и страха – под угрозой крайних санкций за вольномыслие – превращения в отверженного изгоя.

Точно так же, как эта нужда исключала тогда *эксплуатацию* и *государственное насилие*; не было у родовых людей ни воровства, ни обмана, ни жадности, ни нищих, ни брошенных сирот, ни жестокости.

Хотя не стоит первобытных людей идеализировать, как делали Руссо или Энгельс.

По-моему, родовое сознание было **предморальным**. Они не крали просто потому, что красть было *нечего*, отчего у них не было даже понятий ни о воровстве, ни о собственности, но как раз поэтому при случае, например, в гостях, они, не спра-

⁵ См. *Леонард И. Браев*. Врата философии, МарПИК, 2004, 6.5 – 6.6. *Леонард И. Браев*. Познание и очарование. Начала нецеситной колейной теории. Изд. “Салика”. 2013. 567 с., гл. 5.5.10, 5.5.17.

шивая, *забирали любую* приглянувшуюся им вещь, притом без малейшего осуждения, чужого или своего.

Они не обманывали не потому, что были честны, а потому, что обманывать было не из-за чего. И не имели понятия об обмане, а потому и о честности. И отличались поразительной *доверчивостью* – без тени сомнения верили любому слову.

Они были поразительно добродушны, но при обиде, вспливав, могли тут же, не моргнув глазом, и убить, а при долгом голоде не погнушаться людоедством – даже собственных стариков и детей.

Они не знали отвратительной мелочной жадности и изводящего беспокойства о будущем, но, увы, *беспечно не ведали и дальних* целей или хотя бы простой спасительной предусмотрительности: сбережения запасов и т. п., – просто потому, что лучше обеспечить свою жизнь все равно были не в силах.

Однако этих родовых людей не стоит и очернять, как делают Л. Морган (с.232) или Ш. Летурно (с.140).

По-моему, нельзя сказать, что это была мораль, но *иная*, не такая, как позже. Скорее, это был пролог морали, *предморальное* сознание, потому что взаимное поведение родовых людей регулировалось не моралью, а *нередко* даже и не нравственностью (как у *асоциальных людей* и ныне), а *непосредственно* необходимостью, ценностями **утилитарными**: сытости, тепла, пользы, страха перед опасностью, выгоды и т. п.

Однако сверх того такие люди направлялись, видимо, ещё ценностями *эстетическими*: привлекательности, отвращения, восхищения и т. п. Стало быть, нравственность у них всё же уже была, а из неё – как из предпосылки – уже зарождалась и мораль, но именно пока только зарождалась.

А, кроме того, как было и позже, должно быть, их жизнь регламентировались многочисленными *обычаями, табу и обрядами*, сложившимися эмпирически, отобранными той же

необходимостью, но окутанными *мистическими* страхами и мифологическими объяснениями.

О существовании в мустьерскую пору веры в *бессмертную душу* говорят находки археологами *погребений* умерших. Не прятанье трупа в яме и засыпка землей всего лишь в гигиенических целях, а именно его погребение, с ориентацией тела по линии восток – запад, обычно на боку, в позе спящего, заботливое положение рядом с ним чашек и другой утвари и оружия. Обнаруженные чучела из шкур медведей, быков и других животных, скрепленные палками и глиной, а также их наскальные и пещерные натуралистические рисунки позволяют предполагать, что над ними совершались какие-то колдовские обряды, то есть допустить возникновение уже *магии*.

14. Филогенез специализации полов у людей

Обрисованная картина развития человеческих полов объясняет причины различий между женщинами и мужчинами.

Подытожим, в чем же именно эти различия выразились.

Основная биологическая специализация женщин на беременности и вскармливании младенцев – совершенно та же, что у *всех* млекопитающих.

Соответственно эти телесные (морфологические) различия полов у людей сформировались большей частью ещё на обезьяньей напитековой стадии. В основном они лежат на поверхности и общеизвестны, так что распространяться о них излишне.

Но психологические различия полов (нейрогормональные и другие физиологические) малоизвестны, хотя в XX столетие исследователи сделали здесь немало значительных и любопытных открытий.

Эти психологические особенности поведения женщин и мужчин в значительной мере сложились *относительно не-*

давно – в последние миллионы лет превращения наипитеков в людей (см. здесь гл. 4 - 6, 9 - 13), поэтому под действием отбора уже не естественно-биологического, а естественно-социального, в приспособлении к “разделению труда”, преобладающим трудовым занятиям (“ролям”, “функциям”) каждого пола. Больше двух миллионов лет во многом разной у полов биолого-психологической адаптации не могло пройти для людей бесследно.

До прошлого столетия эта миллионолетняя мужская доля никем не оспаривалась: мужчина – добытчик и защитник в опасном мире (когда-то в первобытье – охотник, а теперь по функции таких же, но неисчислимых профессий).

Естественно, сверх межполовых отношений (гл. 5, 6), все остальные основные особенности мужской психологии, его восприятия, оценок, мышления и поведения обусловлены приспособлением к его трудам: охоте, рыбной ловле, потом больше – к скотоводству и земледелию, – начиная с изготовления охотничьих, рыбацких и других орудий и снаряжения и кончая их организацией и проведением.

Не диво, что и сегодня мужчину занимает преимущественно широкий мир вне дома: вещи, приборы, их устройства и действия, сотрудничество в совместной деятельности с другими людьми, организация и лидерство, его собственный трудовой (профессиональный и социальный) успех, соревнование или соперничество в способностях, умениях, знаниях, силе, ловкости и смелости (выдержке при риске).

Любая нестандартная ≡ творческая (“креативная”) деятельность – такая, как охота или изготовление орудия, требует предварительного обдумывания ситуации и каждого своего действия, для исключения ошибок предвидения его всех возможных результатов, так сказать, своего рода её умственной “репетиции” в воображении разных сценариев, ва-

риантов, вплоть до мелочей, таким способом достаточно точного расчета замысла, затем выработки плана, а также согласования усилий с другими участниками \equiv договоренности о его исполнении, притом не абы как, а с необходимой для успеха детальностью и чёткостью \equiv определённостью.

В таком организованном совместном труде и произошло развитие у людей речи и надситуативного мышления (абстрактного) – о том, чего еще нет, чему ещё возможно предстоит быть. (См. выше гл. 5).

Отсюда идёт развитое у мужчин пространственное соображение и ориентация, как практическая, так и умственная, навигационное чувство и глазомер. Без них человек обречен заблудиться на местности, без них невозможно рассчитать маршрут и скорость движения дичи и расстояние до неё, метко бросить копьё, выточить острие, тем более конструировать современные технические устройства.

О сравнительной недавности развития пространственного соображения у людей свидетельствует его локация в самой молодой лобной доле четырех мест коры правого полушария мозга.

Но само исполнение замысла: рассредоточение охотников, выжидание и выслеживание дичи и т.д., чтобы её не спугнуть, должно долгими часами проходить бесшумно, поэтому молча, когда можно говорить только беззвучно: с другими охотниками – жестами и условными сигналами или только самому с собой, где твой собеседник – ты сам (“внутренняя речь”).

По-моему, здесь и возникла необходимость в следующем уровне речи и мышления, – молчаливого мышления, “внутреннего”, а под её давлением сложилась известная “асимметрия” полушарий мозга, особенно значительная как раз у мужчин, так сказать, внутреннее функциональное раздвое-

ние головы, “подразделение на две”. Правое полушарие (у правшей) воспринимает и представляет мир преимущественно образно и целостно. А левое полушарие, преимущественно “знаковое” (точнее, медиаторное) и аналитическое, командует его речью, – по своей морфемной структуре дискретно-связной ⁶, а благодаря ей управляет нашей творческой фантазией и движениями правой руки. Это раздвоение головы и позволяет нам думать не вслух, а молча, “думать в уме”, в одиночку, говоря сам с собой, и так молча анализировать и решать встающие задачи.

Но у женщины ситуация была существенно иной.

Миллионы лет антропогенеза женщина – прежде всего мать и хранительница детей, хозяйка дома и семьи.

Её высочайший статус создается её великой любовью, муками родов и материнскими трудами. И даже когда этот статус ограничен узким кругом родни, он несравнимо ценнее любого как угодно грандиозного культа правителей и вождей всех времен и народов, потому что её почитание искренне и истинно, а казённые почести фальшивы, изначально или со временем всего только отвратительное лицемерие, корыстное и трусливое. Что уж говорить о каких-то начальничках и шефах. А “маменьку рóдную” до слёз любят и почитают даже такие отчаявшиеся, кто уже ничего на свете не любит и не почитает.

Связанная детьми, их вынашиванием, нянченьем и вскармливанием, женщина обычно не могла участвовать в охоте или рыбной ловле, но оставалась дома, в родовом стойбище или в семейном жилище, устроенном в наиболее удобной местности или в пещере.

Такое половое разделение труда и распределение функций два миллиона лет воспринималось незыблемым. Таща

⁶ Л. И. Ибраев. Надзнаковость языка. // “Вопросы языкознания”. Академия наук. 1981, № 1, с. 33 – 35.

свою спасительную добычу, охотник приходил домой уставший, а то и раненый, только чтобы от ран умереть или исцелиться, отоспаться, отъесться, отдохнуть – и снова уйти на свои опасные битвы. И никому и в голову не приходило, что он будет пеленать младенца, а мать позовут на охоту. В доме он долгожданный гость, как в тумане, мало обращает внимание на окружение.

А женщина была поглощена своей домашней работой: поддержание огня, приготовление пищи, одежды, ложа, чистоты и т. п. Но эти изо дня в день рутинные работы по большей части ей всегда с детства привычны, и их она контролировала в полглаза и совершала “*машинально*”. Её основное внимание, как хранительницы дома, занимали и занимают дела куда более сложные, творческие и ответственные: поддержание любовного “порядка” вокруг себя, в ближнем социальном окружении, среди домочадцев: сестер, других матерей, детей, стариков и соседей, – всегда почему-то запутанные “отношения” между ними: их болезни, голод, страхи, печали и боли, зависть, назревающие симпатии, любовь и ссоры, затеваемые хитрости ≡ интриги.

Не диво, что и сегодня девочку, девушку и матрону больше увлекают не устройства и действия вещей, а люди, лица, дружба, общение, сострадание и любовь.

Отсюда физиологические особенности зрения (≡ глаз и внимания) и слуха (≡ ушей и внимания) полов.

Как нужно охотнику, мужское зрение узкое – “туннельное”. Чтобы увидеть, ему нужно повернуться к объекту лицом. Его глаза сосредоточены видеть прямо вперёд, не отвлекаясь от цели, далеко и чётко, точно замечая пространственное расположение, перемещение и детали объекта.

Но эта-то *узость* поля зрения, недостаток бокового зрения и привыкание к риску (≡ “*лихость*”) оборачивается тем,

что мужчины чаще гибнут. В частности, нынче при переходе улицы и в дорожных авариях.

Женщине такая зоркость нужна редко, и её пространственная ориентация и дистанционный глазомер развиты много слабее. Этот недостаток пространственного соображения сегодня затрудняет ей вождение и парковку автомобиля, особенно задним ходом, или понимание физики и т. п. предметов. Уровень способности к ним, сопоставимый с мужским, наблюдается приблизительно только у 10% девочек.

Зато женское зрение широкое. Она способна ясно видеть окружающих и встречающих, открыто как будто не глядя ни на них, ни даже в их сторону, одним своим *боковым* (“периферийным”) зрением, с очень широким сектором вида – от 45° до полных 180° влево и вправо. Так что если встречающая женщина смотрит прямо куда-то вперёд мимо вас, однако каким-то отсутствующим взглядом, значит, не сомневайтесь, умом она смотрит как раз на вас.

Хорошо или плохо это различие?

В широком мире охотнику, должно быть, нужнее зрение туннельное, далёкое и точное. А в ближнем мире семьи или уличной сутолоки, видимо, лучше зрение пусть не столь чёткое, зато широкое круговое.

Эта же широта поля зрения и боязливая осторожность спасают женщин от ранней гибели – для блага детей. Сегодня чаще от дорожных аварий. И в среднем сегодня женский век дольше.

Но раньше они старились быстрее от ранних и беспрепятственных беременностей и от высокой детской смертности. Судя по анализу костей питекантропов, в какие-нибудь тридцать лет их женщина бывала уже бабушка внуков и измождённая дряхлая “карга”. Да что первобытные. Ещё и ныне во многих регионах в Африке большинство женщин в 13 лет

уже матери, а в 30 – сморщенные горбатые старухи и скоро умирают.

Впрочем, в те суровые времена и мужчины, приближаясь к тридцати годам и теряя молодецкую силу и ловкость, в большинстве выбывали не только из занятия, как нынешние спортсмены или балетные танцоры, а вообще из жизни, погибая на охоте от малейшей оплошки в схватке со зверем. Должно быть, умудренных старцев хотя бы лет пятидесяти среди них бывало единицы.

Видимо, здесь, в особенностях здоровья и поведения, причина также и современной разной продолжительности жизни полов. По статистике, девочек рождается ~ на 3% меньше, чем мальчиков, но с каждым возрастом мальчиков умирает больше и уже к 12 годам женщин меньше только на 1,5%. Особенно много гибнет парней в 25- 30 лет – и к 32 годам процент ровесников и ровесниц сравнивается.

А потом в населении стремительно сокращается доля (%) мужчин и растёт доля женщин, которые теперь стали жить намного дольше, видимо, благодаря сокращению частоты родов. Мужчины составляют больше 90% всех погибших на производстве. Они же кончают самоубийством в два раза чаще, чем женщины (хранимые, должно быть, их миротворным эстрогеном), а в некоторых странах – остро трансформационных, таких как Россия или Бразилия, даже в шесть раз чаще. А сколько их кончают ещё самоубийством *замедленным* – пьянством и наркотиками? К 60-ти годам женщин становится больше уже на целую четверть, к 65 годам – вдвое, а после 70 лет – втрое.

Печальная статистика. Так что стоит ли завидовать мужчинам? Может быть, их тоже надо жалеть и беречь? Ведь это их мужчины, отцы, их возлюбленные, их сыновья. Как видно, сами себя они беречь не умеют. Вечно хорохорятся, “пре-

зирают жизнь телячью”, брутальничают и бравируют – и вымирают героями. Да спасет любовь человечество, как тысячелетия спасала до сих пор – взаимным бережением.

Впрочем, в спокойных странах (со сглаженной внутренней конкуренцией) и здоровым климатом, таким, как Испания или Япония, а в недавно былые времена – Греция, длительность мужского века почти такая же, как у женщин.

Отсюда, из общественных условий и образа жизни полов, надо думать, проистекают также физиологические особенности их речи, её восприятия и мышления.

Женщинам редко приходилось думать над своими проблемами в одиночестве и молча, прибегая к мысленной «внутренней речи». Должно быть, поэтому специализация полушарий головного мозга у них существенно слабее, а связывающее их «мозолистое тело» значительно больше. Компьютерно-томографические исследования показывают, что при чтении у мужчин засвечивается лишь небольшой отдел левого полушария, а у женщин – оба. Надо думать, поэтому от инсульта, кровоизлияния в левом полушарии мужчина теряет способность к речи, а у женщин возникают лишь некоторые затруднения, но в целом речь сохраняется.

Предполагаю, именно поэтому же речь мужчин, даже когда она богаче по словарному запасу, заметно медленнее женской: их мозгу нужно ещё время, чтобы связать медиаторы знаков в левом полушарии с образами их значений – в правом. Тогда как более полная связанность полушарий мозга женщины обеспечивает ей немыслимую скорость речи.

Зато, видимо, ограничивает способность женщины к “молчаливому мышлению”, в одиночку, самостоятельному. Поскольку её голова недостаточно “раздвоена на две”, она вынуждена мыслить вслух, в обсуждении – разговоре вместе с кем-то. Отсюда странная для мужчин женская потребность,

“страсть” посудачить друг с другом. Для женщины говорить о своем затруднении – как раз и значит думать о нём, рассуждать и способ его решить – в коллективном обсуждении.

Эти мыслительные и речевые различия полов часто становятся между ними причиной взаимных недоразумений.

Когда при затруднении мужчина задумывается, он обычно сидит молча, уставившись в пространство, в никуда, хотя на самом деле он говорит – в уме сам с собой, левое полушарие с правым, ≡ обдумывает ситуацию, прокручивая в голове, перебирая варианты, сценарии, решает какую-то заботу, что и констатирует сканирование его мозга. А окружающая немолчаливая женская болтовня тогда мешает ему сосредоточиться и раздражает.

Но сама-то женщина молчит либо от усталости, либо когда обижена, – демонстративно, почему молчание мужчины не понимает. Решает, что мужчина молчит тоже потому, что либо скучает, либо обижен на неё, и начинает любимого тормозить, отвлекая и успокаивая, но, как видим, только досаждаёт, пока страдалец не сорвётся мольбой:

– Помолчи, а?

Тут болтушка сама обижается и замолкает надувшись.

Разумеется, такая ссора от недоразумения бывает, если прежде они душевно друг с другом мало общались и не понимают особенностей и забот друг друга и без слов.

В знакомой ситуации женщина знает истину сразу без рассуждений – просто образно, часто сама не зная откуда. Это и есть знаменитая женская интуиция, впрочем, такая же, как и мужская интуиция – образная разгадка задачи.

Но при затруднении в неясной тревожной ситуации, требующей для распутывания её подетального разбора (≡ анализа), женщина, конечно, тоже задумывается, но это значит, начинает говорить, ≡ рассуждать вслух.

Вот так получается, что мужчина изрекает итог своих безмолвных размышлений, а женщина – сам их процесс, точнее, его ступеньки. Но при этом тщеславного мужчину её, естественно, пока ещё не вполне обдуманнные ≡ поспешные реплики сердят как глупости. И напрасно. Не стоит зазнаваться, потому что и его собственный итог – тоже ведь вовсе не окончательный конец, а тоже только ступень дальнейшего процесса, разве что более продвинутый. Между тем коллективное обсуждение даже с замедленным собеседником всё же продуктивнее: благодаря ему можно учесть какие-то ранее упущенные детали.

Понятно, женщинам их преимущество в скорости речи и умственном (≡ речевом) счете нравится и доставляет наслаждение – и они охотно выбирают профессии “говорильные”: учителя, секретарши, адвоката, переводчика, гида, пресс-секретаря и т. п. или “числовые”: бухгалтера и т. п.

Тогда как мальчики и мужчины, особенно мало читавшие, плохо владеют речью, тем более по сравнению с бойкими девочками с их беглой речью. Косноязычные мужчины мямлят, проглатывают окончания, вставляют всякие слова-паразиты: э-э, короче, типа, нормально, угу или даже мат.

Поэтому они со школы чувствуют себя в обществе ущербными глупцами и для самозащиты грубят.

Таким же туннельным является и мужской слух. Сложное дело требует сосредоточения безраздельно всего его внимания. Поэтому ему трудно одновременно делать сразу несколько дел: думать и слушать, что ему говорит жена, или читать и смотреть телепередачу. За миллион лет охотник твердо усвоил: сразу за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

А женский слух тоже широкий – круговой. В быту женщины часто говорят все разом, да еще о разных вещах сразу,

как будто не слушая друг друга или слушая всех разом, *тем же* местоимением внезапно обозначают *совсем иное*, вдруг перескакивают на другую тему и возвращаются к прежней, и, тем не менее, легко понимают друг друга. За миллион лет мать усвоила: надо слышать сразу и Сашку, и Машку и ещё кучу ртов, а то не миновать беды.

Женщина одновременно не только видит, но и слышит всех вокруг, различает разом фразы нескольких голосов, да еще при шуме посуды или телевизора.

Тогда как для мужского уха такой разговор – невысказанный галдеж и гам. Этот “базар” его пугает, мешает сосредоточиться, думать, отдыхать и раздражает. В нём он ничего не в состоянии понять и требует отключить телевизор и говорить по очереди.

Вообще, мужской половине редко нравится женская “болтовня”: «Трещат, как сороки». И он либо казнит сороку своими добросовестными, но непонятными ей техническими советами, как именно следует “*правильно делать*” её неудавшееся дело, либо молит о молчании.

Тогда как легче и приятнее быть терпимее. Много ли внимания неизбалованной голубке надо? Достаточно просто самому помалкивать, делая вид, что слушаешь, кивать и подкидывать общими словами, вроде: “Вон оно что! Да что ты говоришь? Ты права!” – и она “выговорится”, то есть свои заботы в голове себе прояснит и снимет стресс: ведь целый день дома мучилась одна без приятельниц, – и благодарно сочтет вас замечательным собеседником.

Другая особенность женской беседы – недостаток определённости: вместо чётких и логичных формулировок предпочтению местоимений и местоименных наречий:

- Кто опасен?
- “Он”.

- Кто он? Где он?
- “Там”.
- Когда опасен?
- “Тогда” и т. п.

и всяких расплывчатых метафор, намёков, обиняков и околичностей: “так сказать”, “вроде бы”, “типа”, “отчасти” и т.п.

Хорошо это (неопределённость) или плохо? Смотря где.

В мужском договоре о предстоящей кооперации совместных действий такая неопределённость, кому что где и когда делать, – очевидно, ведёт к недоразумениям, раскоординации всего общего дела и к его гарантированному провалу.

Но в женском домашнем мире организованные совместные дела не часты; чаще каждая работает свое отдельное дело сама по себе, не согласовывая его с другими, и в их беседе эта расплывчатость ни к какому однозначному делу не обязывает, зато позволяет обойти конфронтацию желаний и поддержать в семье согласие.

Но сегодня, когда многие женщины вовлекаются в общественно координируемую работу ни предприятиях и в офисах, её выступление на собрании, планёрке и т. п. общем обсуждении дел с репликами, прежде молча самостоятельно не обдуманнами, или с неопределёнными местоимениями, расплывчатыми метафорами и околичностями дискредитирует её ум и становится катастрофичным для службы – и она вынуждена быстро обретаать необходимые продуманность и опрделённость речи, либо быть уволенной.

Да ведь и сами мужики, когда на стадии кроманьонцев (см. гл. 11) снова вернулись к индивидуальной охоте и рыбалке, тогда они быстро забыли свою былую «определённость» и ударились в такие преувеличения и фантазии, что байки любителей охоты и рыбалки стали для человечества любимым посмешищем.

Правда, женщина воспринимает в речи в первую очередь её эмоциональный смысл. Но зато мгновенно замечает эмоции также и в лицах, в оттенках их цвета и в мимике, в движении глаз, их сужении – расширении, в блеске их зрачков, белков, в жестах, в голосе, его тембре, дрожи, в интонациях и всяких нюансах и мельчайших деталях быта, внешности и поведения – молниеносно видя обиженность или встревоженность, дружелюбие или вражду.

О своей дочке и своем сыне она как-то знает, с кем они дружат, о чем мечтают, чего боятся, что замышляют.

Должно быть, в семье и в общении кумушек и развилась эта её эмоциональная проницательность, составляющая главное содержание “женской интуиции”.

На улице, в учреждении, в гостях, едва зайдя в зал, она быстро и тонко распознаёт настроения и взаимоотношения всех окружающих: кто с кем в ссоре, кто в согласии, кто в соперничестве, кто в дружбе, кто в любви, кто против кого интригует, кто с кем флиртует, кто лжет, кто искренен. Поэтому лгать женщине в лицо легко: она склонна притвориться, будто верит; но обмануть её трудно; собеседников она чувствует (“видит”) насквозь.

Поэтому со своей стороны она часто удивляется эмоциональной слепоте мужчин, тому, что большинство из них почти ничего из проявлений эмоций окружающих не замечает. В такую невероятную “толстокожесть мужиков” ей трудно поверить – и она склонна подозревать их в хитром притворстве невинными. Хотя зачем охотникам-то такая проницательность? Следить надо за зверем, а не за коллегой. С ненадежными товарищами - притворщиками на совместную охоту или в разведку просто не ходят. Здесь удача и неудача общие и гибель грозит всем.

Но из эмоциональной слепоты большинства мужчин, разумеется, нередко блестящие исключения. Из них-то и выходят изумительные художественные дарования, такие, как Пушкин или Лев Толстой, и изумительно ловкие интриганы и дипломаты, как Талейран, Меттерних или предок великого писателя Пётр Андреевич Толстой, сподвижник Петра.

Между полами, разумеется, есть немало и других психологических различий.

Общеизвестны боязливость женщин перед неожиданной опасностью, но неожиданное бесстрашие в защите ребёнка, нежность к нему и неисчерпаемое терпение, как будто бесконечное. Стоит ли говорить, что мужланам этих достоинств недостает.

Обычно женщины контрастно эмоциональнее мужчин, которые несправедливо считают женщин вообще *истеричками*, забывая, что эмоциональность им нужна для сохранения любви и семьи. А в свою очередь женщины ругают мужиков бесчувственными чурбанами, забывая, что в их охотничьих или в современных экономических и политических битвах им нужны как раз хладнокровие и выдержка.

Вследствие различия в выбросе гормонов реакция на стрессовую ситуацию у мужчин – обычно активная агрессия, до драки или пассивная сдача. А у женщин – забота о близких или плач и другой взрыв эмоций: возмущение, боязнь, ревность и т.д. Вздвогнув от сердитого хлопка двери за любимым или обнаружив новые морщины на своем лице, она ложится лицом к стене и рыдает, но не остановится хотя бы на минутку, чтобы спокойно подумать с собой о ситуации. Голова ниже сердца. Да и для раздумий ей нужно срочно бежать к подруге.

Зато в компенсацию физической слабости для парирования обиды у женщин давно развилась способность к улыбчи-

во – ласковому *злоречию* и тонкой *интриге* – ловкому на-
травливанию на соперника.

Постоянная жизнь в коллективе, всегда структурирован-
ном рутинной и невидимыми, но необходимыми нормами: за-
претами и обязанностями – привило женщине склонность к
подчинению им, что заметно уже с детства.

Девочки обычно послушней и старательней. Мама ска-
зала сидеть и ждать её – и вот ребенок сидит и ждет, даже
если мама давно забыла о своих словах. Эту красивую вещь
трогать “нельзя” – не наша. На ту сторону двора идти играть
“нельзя” – там чужая территория. В этот кабинет заходить
“нельзя”, – учительница узнает и т. д. Весь окружающий мир
для неё расчерчен тётями и дядями на “льзя” и “нельзя”.

Правда, если очень хочется, то сделать запретное всё же
можно, но тайком, а застукают – для оправдания сочинять
всякую ложь, – “*изворачиваться*”.

В этом их отличие от мальчишек – будущих охотников,
вольных и предприимчивых. Они как раз лезут в чужой сад
и, вообще, капризные бунтари, рискованные задиры и свое-
вольные неслухи. Мальчики составляют 3/4 всех «трудных
детей». Это различие в детском поведении полов, должно
быть, врождённо и, пожалуй, обнаруживается даже в колы-
бели: мальчики беспрестанно вертятся, девочки старательно
таращат глаза.

Эволюционное складывание вида – филогенез мужского
ума, как мы видим, потребовал развития у охотников новых
психологических способностей, потому и был более длитель-
ным. Думаю, в этом причина, почему теперь онтогенез мальчи-
ков (взросление каждого индивида) тоже *длительней* – и в
среднем возрасте сверстницы в своём развитии контрастно
опережают сверстников, так что старших школьников сажать
в одном классе нелепо. В девочках уже проснулась женщина,

нарядница и кокетка, а эти разве мужчины? Ещё бегают с рогаткой и соплём под носом, а вместо обожания и комплиментов дергают за волосы и матюгаются.

Получается, что познавательные-психологические особенности полов: у мужчин – туннельное зрение и слух, развитое пространственное соображение, молчаливое абстрактное мышление и его определённости, у женщин – широкие поле зрения и слуха, сравнительно слабое пространственное соображение и молчаливое мышление и их расплывчатость, зато быстрая речь и её широкое восприятие, острая эмоциональная проницательность – эти особенности обуславливаются не столько полом как таковым, его родительской физиологией, сколько в первую очередь преобладающим социально-трудовым функционированием полов, разделением их трудовых занятий и ситуаций на долгих миллионлетиях антропогенеза.

Должно быть, поэтому в отличие от родительско - физиологических различий полов их познавательные- психологические различия оказываются в значительной мере размытыми и обнаруживают столько исключений (по разным замерам до ~ 10%) и заметно меняются вслед за ходом антропогенеза и даже истории человека.

Молодые женщины поразительно похожи на детей, с которыми они нянчатся. Особенно лет так в 18 – 20. Прямо полудети. Такие же пухленькие, нежные, голосистые, смешливые, слезливые, слабые и наивные, с большими чистыми глазами, и так же, как дети, нуждаются в обожании и защите. И они их достойны, ибо прекрасны – и телом, и душой.

Но почему природа так сделала?

Для лучшего взаимного понимания с детками, что ли? Должно быть. Но, видимо, не только поэтому. И у мужчин женщины вызывают к себе похожее на отношение к детям

чувство нежности, оберегания и покровительственной снисходительности к их слабостям, смех и восхищение даже их милыми нелепостями и неловкостями.

В них такие же, как у детей, зависимость, желание нравиться окружающим и внушаемость. Чем и пользуются для дурного влияния разные негодяи или в лучшем случае эстрадные гипнотизеры, предпочитая для демонстрации публике своего чудесного могущества выбирать женщин. Да и любящие их мужчины знают, как легко милые верят их сладким комплиментам, обещаниям и уверениям.

Мужские шовинисты тщеславно усматривают здесь свидетельство превосходства своей половины человечества, а заодно и себя. Глупцы тешатся: женщины любят ушами и смеются над ними. Пусть себе.

Но скажите, что бывает с женщинами, которые не обладают такой внушаемостью? Как без такого доверия поклонникам они создадут семью и заведут детей? Чаще всего такие неверы умирают, не оставив потомства. Вина тот же естетственно-социальный отбор с адаптацией к своей общественной нише.

Да и не столь уж слепа женская доверчивость. В пенье сладких слов потенциального отца семьи их знаменитая интуиция ловит главное – не истину факта, а истину его чувства. Лет семь – максимум десять отпущено ей природой, чтобы стать матерью и создать семью. И когда поджимают сроки, как же не обольститься и не услышать то, что очень надо услышать?

Вот в этом возрасте около 18 – 20 лет им бывает лучше всего и выходить замуж. Характер мягкий, как воск, легко лепится – притирается к зрелому мужу лет на пять старше. Тогда и получается парочка, про которую говорят: муж - же-

на – одна сатана. Понимают друг друга с полуслова, с полувзгляда, живут душа в душу – и супружество долго.

Если же невесте больше 22- 23 лет, её характер уже затвердел; притереться к мужнину уже трудно. Недаром встарь таких называли “перестарками”. Тут каждый тянет в разную сторону, часты ссоры – и у семьи велик риск распада.

Естественно, этот камерный мир женской души, поглощенный главным образом любовью и семьей, отображается и в женской литературе, как в поэзии, так и в прозе.

В естественности и выразительности стиха лучшие поэтессы – от Сапфо до Беллы Ахмадулиной – не уступают поэтам, а, может быть, часто и превосходят. Но в содержании, обычно мелкотравчатом, поразительно проигрывают: всё любовь да любовь – к возлюбленному, к детям, к семье, её радости и горе. Но никаких общественных горизонтов, болей и треволений, национальных или общечеловеческих мотивов. Исключения: например, М. Цветаева, И. Кнорринг или О. Берггольц – только подтверждают правило, ибо они вызваны страшными *общественными* катаклизмами, которые жестоко *вломилась* в их *личные женские* судьбы. Оттого-то их стихи, проникновенно искренние, так истинны и потрясающи.

Но как может быть иначе? Если сама женская жизнь была ограничена любовью и детьми - семьей. По крайней мере, до последнего времени. Но ведь любовь и дети и есть женская радость и горе и её великая миссия, ничем не заменимая, грандиозная и спасительная для человечества.

А роль здесь мужчин скромна, главным образом, снабженца и защитника.

Некоторых писателей – мужчин: Пушкина, Флобера, Л. Толстого – почитают открывателями женской души. Но так ли это? Бесспорно, они тонко наблюдательны, и, тем не ме-

нее, их женские портреты рисуются как-то не изнутри души, а извне, со стороны. Может быть, мужчине и не дано вполне проникнуться женской душой? Как женщине – мужской?

Нередкий спор: кто лучше женщина или мужчина? – есть вульгарное уравнивание, абсурдное и потому пустопорожнее. Как вопрос: что лучше – пища или одежда?

На этот глупый вопрос давно ответили детские уста. Когда ребенка, подразнивая, спрашивают, кто лучше мама или папа, он часто изрекает: “Оба лучше”. Наивно, но истинно.

И на самом деле, оба хороши, но по-разному. Женщина и мужчина во многом разные и нужны для разных дел и как раз разными. Они не заменяют одни других, а дополняют друг друга, как дополняют друг друга пища и одежда, и только вместе – в союзе образуют человечество.

Вот почему их оценка “лучше” – “хуже” относится к обстоятельствам дела.

Мужчина обычно выше ростом, силой, пространственным соображением, рассуждением и мужеством, хотя случается и наоборот. В поднятии тяжестей, беге, метком броске или в шахматах мужчина опережает – и никто с этим не спорит, так что в спортивных состязаниях полы изначально разделены.

Впрочем, разделены даже в спортивных видах: по-моему, женщин уродуют поднятия и метания тяжестей, борьба, марафонские забеги и т. п. тем более накаченные бицепсы “культуристок”, но украшают похожие на танцы теннис, игры, коньки, гимнастика и т. п.

Однако женщина превосходит мужчину красотой, эмоциональной интуицией, добротой, терпением, хотя случается и обратное. В мелких тонких движениях пальцев, в грации и танце или в скорости речи и – поэтому – в “механической” (≡ речевой) памяти и числовом (≡ речевом) счете в уме женщина

лучше, и это тоже эмпирически бесспорно. Но главное – женщина может быть мамой, а мужчина – никогда.

15. Гены, гормоны и пол.

Как ныне все знают, наш мозг перестраивает физиологическое состояние организма не только нервными импульсами по синапсам нейронов к разным органам, но также еще и химически, через особые органические молекулы – гормоны, продуцируемые центром мозга – гипоталамусом и разными внутренними органами в кровь и в лимфу.

На сегодня разных гормонов выявлено больше сотни.

Для отношений между женщинами и мужчинами важнейшими являются половые гормоны, наиболее популярные:

1) “*Мужские*” – **тестостерон**, андростерон и другие андрогены. Они вырабатываются в семенниках (яичках) и стимулируют созревание и функционирование всего мужского тела («вирилизацию» от лат. virilis - мужской), прежде всего, конечно, его половых органов, синтез спермы, сексуальное влечение и эрекцию, но также ещё и телосложение, массу и силу его мышц, плотность костей (→ устойчивость их к ломкости), лысину, бороду и волосатость, повышенную концентрацию гемоглобина в крови и уровень в ней холестерина и глюкозы, мужской (низкий и грубый) тембр голоса и мужской тип лица и поведения: самоуверенность, жесткость, выносливость, успешность и т. д.

Хотя тестостерон проказничает также и в организме женщины, и с той же функцией – “заводить” её сексуальным влечением и т. д., но обычно умеренней.

2) “*Женские*” половые гормоны – **эстрогены**, хотя они тоже есть также и у мужчин, только многократно меньше.

Эстрогены образуются из тестостерона фолликулами яичников и немного надпочечниками и обеспечивают созре-

вание и функционирование женских половых органов и сосков («феминизацию» организма), выделение влагалищем слизи и манящих острых запахов – феромонов, овуляцию и беременность, подготовку к материнству и дарят женщине чувство благополучия и покоя, весёлость, улучшение памяти и желание ласкать – нянчить. За это его умиротворяющее свойство в тюрьмах милый эстроген втихомолку дают агрессивным мужчинам.

Вместе с этим состоянием счастья эстроген придаёт женщине шелковистую бархатистость кожи, её запаху остроту, голосу – грудную сочность и глубину (≡ богатство тембра обертонами): он «словно реченька журчит», волнуя мужские сердца, а хрусталику глаз он дарит поразительную чистоту и прозрачность, как у бриллианта, оттого в отраженном свете в нём происходит такое же сверкание, повергая сильный пол в восхищение девичьими очами. Мужики ахают: “О! Ах! Сияют, как звёзды!” – И тут же навеки гибнут в их чарах.

Тестостероновый и – соответственно – сексуальный пик у мужчин приходится где-то на 19 лет, а дальше с возрастом идёт его спад, ускоряясь при истощении организма чрезмерной работой, особенно умственным переутомлением, стрессами и наркотиками (включая алкоголь).

Но у женщин благодаря эстрогену кровяное давление обычно ниже, также как и уровень холестерина в крови, его оседание в сосудах замедлено и соответственно замедлен склероз тканей организма.

Хотя *переизбыток* эстрогена – тоже не радость: вызывает головокружение, холод ног и рук, тошноту, бессонницу, повышенное давление, выпадение волос, разные опухоли и отвислый жир в груди, на животе и на бёдрах, а ожирение влечёт сексуальную холодность, бесплодие и мигрени.

У женщин пик эстрогена и сексуальной тяги наступает много позже, лет так в 30- 40 (знаменитый «бальзаковский возраст» «вамп»). А дальше, в 40- 50 лет уровень эстрогена снижается и растёт относительная доля (%) в её гормонах тестостерона, а с ним – волосатость на подбородке и на теле и сексуальность, но дальнейшая потеря эстрогена гасит страстность, нарушает месячные циклы, вплоть до прекращения овуляций, ухудшает память и до ~ 60% женщин среднего возраста и старше казнит бессонницей.

Это досадное возрастное несовпадение сексуальных желаний и потенций у полов оборачивается между ними трагикомедией недоразумений и ссор. Должно быть, чтобы не наскучили друг другу?

Впрочем, нынче от адреналина стрессов вечной конкурентной гонки за счастьем потребления, от бесконечной работы, спешки и сиденья в креслах и в автомобиле – оба пола ждёт гормональное *истощение досрочное*.

Это в фильмах наши современники стройны и энергичны, а в жизни одни – деловитые сухие леди и джентльмены на диете, глаза тусклые и строгие, голос бесцветный и строгий, на щеках вместо румянца – румяны, макияж и хирургические подтяжки кожи. От комплиментов не расцветают, а раздражаются и грозят судом за «сексуальное домогательство» – досадное? Как излишнее или никчемное, что ли? Когда едва не половина – импотенты и импотентки. Впрочем, при виде таких во бл самые горячие повесы съёживаются и немеют.

А у других другая крайность – *ожирение*: у каждой третьей и каждого третьего пузо – как мешок, зад – второе шире, еле ноги переставляет.

А жир тоже награждает женщин фригидностью и бесплодием, а у мужчин превращает тестостерон в эстроген со всеми последствиями менопаузы.

К финалу жизни у всех нас ширится тоска по идеалу ослабленного дрейфа. Но, увы, и дрейф не спасает, когда безделье **бесцельно** пусто.

И такие беды ждут женщин задолго до их печально знаменитого климакса (в норме ~ в 50 лет, + или -5 лет) с его возрастным или ещё и нездоровым дефицитом эстрогена, оттого физиологической перестройкой всего организма.

Кожа год от года сохнет, становится бледной, вялой и морщинистой, голос – сухим и скрипучим, начинаются остеопороз (дефицит кальция → хрупкость костей), атрофия органов мочеиспускания и прочие хвори, волосы тускнеют, седеют, секутся и выпадают, глаза мутнеют, в них развиваются глаукома, а там и слепота.

А физиологическое старение дополняет болезненный психологический кризис («порча характера»). Вместо сияющих глаз юного очарования и весёлости бедняжку одолевают колебания настроений, приливы крови к лицу, расстройства сна, частые истерии и депрессии (вдвое чаще, чем мужчин), а потом – вечное недовольство, несогласие, споры, раздражительность, – и появляется бестолковая, но умильная добрая бабушка или чаще то, что в русском крестьянском языке беззатей называли старая «карга».

Но и мужчин возрастной дефицит тестостерона не крашит: нарастают слабость и отмирание мышц, склероз, ухудшение внимания, памяти и настроений, беспокойство, утомляемость, потливость и т. п. неприятности, рост уровня холестерина и риск инфаркта – и в паре к «карге» вместо бравого молодца изредка появляется умудрённый старец или чаще – согбенный дряхлый «брюзга» и «хрыч».

Разумеется, любовь питают ещё и многие иные гормоны, уже не просто медленные «гуморальные» (выделяемые в кровь и лимфу) регуляторы биохимических обменных процессов, но и нейромедиаторы, для быстрой реакции передаваемые ещё и через синапсы нейронов, возбудители *общих* физиологических состояний ≡ от жажды, голода и т.п. до **эмоций**.

Так, встреча очаровательной дивы (или очаровательного дива) вызывает (→) в организме всплеск фенилэтиламина, а он → восторг, окрылённость влюблённости с её *особым* телесным состоянием.

Кажется, *неодолимая* внешняя *опасность* для любви → в крови всплеск адреналина, а он → чувство тревоги и страха, а именно: расширение зрачков, углубление дыхания, насыщение крови кислородом, учащение сердцебиения, но сужение кровеносных сосудов и повышение артериального давления, распад гликогена в глюкозу и взрыв энергии в мышцах.

Одолимая опасность → норадреналин → ярость всесилия.

Открытие ответной любви → серотонин → взбудораженное блаженство.

Осуществление мечты → эндорфин (внутренний, эндогенный морфин ≡ морфий) → эйфорию, радость оптимизма + прокрустация (восприятие в любимом только привлекательного, но слепота к плохому).

Заверение в счастье → дофамин → чувство благополучия.

Любовное свидание → окситоцин («гормон объятий») → удовольствие от ласковых прикосновений → адреналин → бешеное сердцебиение, жар и сухость во рту.

Объединение общими чувствами и воспоминаниями → окситоцин + дофамин → счастье взаимного доверия.

Пришедший в итоге любовного счастья секс и оргазм взрывают у влюблённых окситоцин + вазопрессин, а они → потрясение, сжатие сосудов, повышение артериального дав-

ления + запоминание, чувство родства, привязанность друг к другу, точно к родной и к родному, страдание без её нежности и тем более в разлуке и неотвязность его и её образа, точно наваждения, таким образом, ≡ “отверждение” любви, то есть, как видим, зарождение “сексуально-родительского брачного импринтинга” (см. гл. 3), фактически физиологической базы “моногамной” семьи.

А потом вид младенца, пухлого и мягкого, → прогестерон → нежность к нему, а заодно – и к плюшевым игрушкам.

И ещё много иных подобных гормонов и их разных комбинаций.

Однако вопреки популярным балаганным заключениям вульгаризаторов, это вовсе никакие не «гормоны любви».

Такие *однозначные* привязки – большое упрощение. Эти же самые гормоны в разных ситуациях и – соответственно – в разных комбинациях обеспечивают эмоции не только любви, но также и охоты, азарта рыбалки, вдохновения художественного, технического или научного творчества, страсти политического соперничества, экономической конкуренции, чиновничьих интриг, войны или спортивного состязания, – словом, всюду, всю человеческую жизнь.

И ещё одна ошибка – мыслить человека болванчиком, *марионеткой* «химии гормонов» как «причин любви» и т.д. – путем представления самих гормонов какими-то самостоятельными (≡ *беспричинными*) факторами.

Впрочем, именно такими “самостоятельными” гормоны и *предстают* для самих исследователей в *искусственно ими же* созданных условиях лабораторного *эксперимента*, когда они забывают или не замечают этой своей собственной роли в сочетании факторов ≡ в “постановке” эксперимента.

В самой-то жизни всплеск в организме каждого гормона всегда имеет внешнюю причину – и её *восприятие* нашим

сознанием или подсознанием. А гормоны – не причины, а всего лишь посредники между миром и нашей реакцией на него, внутренние агенты регуляции состояний организма.

Таким образом, и любовь начинается вовсе не внизу, не в гормональной секреции надпочечных и половых желез, а вверху, в нашем восприятии, в головном мозге, в его коре, таламусе и лимбе, гипоталамусе, гипофизе и ретикулярной формации, и уже оттуда она спускается вниз к этим эндокринным железам, хотя в межполовых отношениях те прежде и в свою очередь “заводят” и саму голову.

А самостоятельными возбудителями являются близорукие человеческие изобретения – *наркотики* ≡ по структуре и действию *те же* гормоны, но уже *не наши*, а как раз *внешние* и *чужеродные*, растительные или синтетические.

Или пусть даже и человеческие гормоны, но тем не менее *внешние* – когда их препараты в благих целях рекордов или «гормональной терапии» медики неосторожно дают «накаченным» на машине спортсменам и якобы спортсменкам или стареющим певицам и певцам, поскольку те вместе с собственными гормонами теряют также и свой дивный тембр голоса.

Упускаемая здесь опасность заключается в том, что гормональная сфера есть именно система с целостностью сложных прямых и *обратных* (!) связей – и всплеск в организм этих человеческих или тем более чужих *заменителей* даёт гипофизу сигнал о гормональном *переизбытке*, и в ответ для возвращения к их балансу тот *угнетает* естественную выработку в организме наших собственных гормонов.

Так человек попадает в «зависимость» от этих чужаков, без них впадает в нестерпимую депрессию и муки «ломки», на глазах стремительно превращается в развалину и гибнет.

Либо уподобляется подопытным мышам, которые с нарастающей скоростью нажимают подключённую жестоком

испытателем через электроды к их мозгу “педаль счастья”, пока от истощения не падают рядом с ней, «счастливые» и мёртвые.

Но если гормоны – не причины, а всего только *посредники*, а их система слишком сложна и ещё недостаточно изучена, отчего вмешательство в неё оборачивается трагическими катастрофами, то зачем нам-то, не специалистам, знать о них? Зачем знать это тайное физиологическое подполье любви, если на *психологическом* уровне люди давным-давно знают его проявления в эмоциях? И прекрасно влюбляются, ничего тайного не ведая.

Может быть, это и знать не надо? Пусть красота и любовь останутся тайной.

Как вместо обаяния и т. п. душевных туманов не нужно цифрёрё, предлагаемое на шоу конкурсов красоток на "мисс города или “мисс вселенной””: если объем бёдер – столько-то сантиметров, объем талии столько-то, рост такой-то, процент эстрогена в крови такой-то, примесь постороннего сора в хрусталике глаз такой-то – и, пожалуйста, жюри “научно” выводит “коэффициент сексапильности”.

Знать гормональный механизм нужно разве что для осторожной медицины? Ну, а не медикам-то зачем? Для общего теоретического понимания человека?

16. Уклонисты.

Что ж, понимание человека – это уже немало. Оно позволяет нам делать некоторые практические выводы. Скажем, хотя бы об осторожности со вмешательством в гормональную систему или о направлениях её дальнейших исследований. И не только.

Но ещё и о человеческом **поведении** для профилактики её болезненных нарушений и для их лечения. Притом выво-

ды не только *личные*, для себя, но и социальные, для общества, и даже политические.

Например – вопрос о гомосексуализме.

Участь “геев” (“голубых”) всегда была печальна. Общее восприятие однополого секса извращением, по Библии – “Содомом и Гоморрой”, в лучшем случае – психическим заболеванием, презрение, враждебность и отверженность заставляет их таиться, прикрываться бисексуальностью и чуть не треть доводит до самоубийства.

Неисправимость сексуального влечения к людям *собственного* пола: неизлечимость никакими лекарствами, ни психотерапией, ни кастрацией, ни ампутацией груди, ни удалением матки, ни молитвами, ни изгнанием бесов – наводит на убеждение в его *врождённости* – предопределённости *генами*.

Однако по *таинственным* причинам в современном обществе *ширится* распространение этой половой девиации и, должно быть, как следствие – сочувствие к несчастным и агрессивно нетерпимые призывы к терпимости.

Этот гуманизм, исходя как раз из объяснения гомосексуальности *генетическими* причинами, на этом основании выставляет её *естественной* и требует признать биологической, а *потому* – моральной и правовой “*нормой*”, переходит к её агрессивной пропаганде на телевидении и в других СМИ, даже к преподаванию детям в школах, и добивается принятия законов о юридической регистрации “однополых браков” и права “однополой семьи” брать на воспитание чужих детей (собственные у них, понятно, невозможны), – вызывая в ответ возмущение, рост социальной вражды и даже уличные протестные демонстрации и столкновения.

По моему разумению, хотя генетические сбои случаются всякие, однако ни однополый секс, как и никакая иная “сексуальная ориентация”, даже самая “правильная” “традицион-

ная” – гетеро, **не** может быть врождённой, ибо никакие психические образы в голове **не** передаются генетически по наследству. Это для генетики и психологии – чудо. Нам не дано “вспомнить” ничего из того, что видели наши предки.

Всякая сексуальная направленность создается механизмом сексуального импринтинга (см. гл. 3), а потому эти странные отклонения в ней – коварным случаем первого сексуального опыта⁷.

Иначе по такой логике нам следует объяснять генами и признать естественной нормой даже некрофилов и сексуальных маньяков-садистов-потрошителей. Ведь причины их маний те же и они тоже над собой невластны.

А что, может быть, также узаконить “права” бедняжек на садизм?

Так и беззаветная материнская любовь к ребенку даётся не просто “материнским инстинктом”, а тоже покупается в **импринтинге** ценой влюблённости в его отца + собственного вынашивания желанного ребенка и ценой родовых мук.

Но вне купели такой материнской любви, как бывает с сиротами в детдомах или в “неблагополучных семьях”: холодных или скандальных, не может быть воспитан и социально полноценный человек. Без эмоциональной атмосферы любви, без постоянных родительских ласковых слов и прикосновений, если ребенка не гладить, не обнимать, не прижимать, уже у младенцев развивается депрессия, неврозы, всякие “комплексы” и болезни, а у повзрослевших – чувство своей заброшенности, одиночества в мире, замкнутость и ответный недостаток сочувствия и любви к другим людям, жестокость и склонность к насилию.

⁷ См. Л. И. Браев. Колеи любви и ненависти. // См. сноску 3 на с.51.

Так вырастает несчастный человек, мало или вовсе не способный к жизни в обществе, – “асоциальный”, а часто и ужасное криминальное чудовище.

Видимо, еще и поэтому в итоге войн, особенно тотальных или гражданских, с массовой гибелью в них родителей и массовым сиротством детей, в обществе надолго распространяется холодность и жестокость.

Однополый секс, очевидно, тщетен для рождения детей, а для воспитания *чужих* детей, – неизбежно **без** полноценной родительской любви, – пагубен, а потому порочен. Как же однополый секс признать нормой? Разве только при дремушем антропологическом и психологическом невежестве.

Хотя предрасположенность к гомосексу всё же бывает и “врожденной”. Но её причина не в *генах*, а в гормонах.

И возникает её возможность благодаря тому, что в онтогенезе пола ребёнка определяющее действие генов реализуется посредством действия гормонов.

Влияние гормонов на половую морфофизиологию давно установлено *экспериментами* на животных, не имеющих внутриутробного онтогенеза детёнышей (как птицы), и даже на млекопитающих – уже с внутриутробным периодом, но кратким (мыши, крысы). В этом случае инъекция тестостерона птенцам и детенышам крыс ведёт к превращению самок в самцов: кур в петухов, канареек – в кенарей, самок крыс – в самцов крыс; однако только по *внешности* («вторичным половым признакам») и по *поведению*: агрессивность, пение, попытки овладения самками, но никак не по морфологии: обнаружено только недоразвитие собственных половых органов, но не смена их на органы противоположного пола. Тип половых органов диктуется генами (гл. 1).

Однако у большинства млекопитающих и тем более у приматов срок беременности велик и половые органы и мозг

складываются ещё у эмбриона в утробе, через два – три месяца после зачатия, так что потом гормональная инъекция взрослым особям сколь-либо заметно их половые особенности не меняет.

Тем не менее, и в утробный период гормоны влияют на формирование у существа полового диморфизма, нормально-го или ненормального.

Когда женщина беременна *мальчиком* (то есть когда в его слитной клетке – зиготе есть мужская непарная хромосома ХУ – см. гл. 1), то в начале беременности, до ~ 40 дней, андрогены для зародыша продуцируют яичники матери, формируя у него пенис и яички мошонки, которые затем и подхватывают эстафету производства тестостерона.

Аналогично у эмбриона *девочки* (когда все хромосомы парные ХХ) под действием материнских эстрогенов складываются женские половые органы.

Но *если* на ранних стадиях беременности *мальчиком* выработка тестостерона у женщины *подавлена* её страхами, несчастьями, болезнями, потрясениями и прочими стрессами, алкоголем, никотином или некоторыми лекарствами и, таким образом, а в её организме доминируют успокаивающие её женские эстрогены, то этот дефицит тестостерона создает возможность рождения женственного мальчика: сияющие глаза, певучий голос, застенчивость, неспособность к физике и гомосексуальные склонности.

Если же, наоборот, беременность *девочкой* протекала при избытке у матери мужских гормонов, то девочка может родиться мужеподобной: крупное тело, строгие глаза, громкий сухой голос, грубость, самоуверенность, хорошая пространственная ориентация и способность к физике, неряшливость и склонность к лесбиянству.

Хотя в обоих случаях пол, определённый генами, радикально на противоположный не меняется.

Но никакой зависимости половой ориентации от генов исследованиями генетиков не уставлено.

Сравнение ДНК братьев-гомосексуалистов, разумеется, показало у них значительную одинаковость генов, но обнаружило зависимость их сексуальной ориентации от присутствия мужских гормонов, следовательно, однако, никак не от генов. А у сестер-лесбиянок не оказалось обязательности даже и одинаковости генов.

Даже у близнецов *однойцовых* (\equiv с полной одинаковостью генов), разлученных при рождении, вероятность одинаковой половой ориентации такая же, как и вероятность разной $P = 50\%$. Её объясняют частотой активации (\equiv проявления) гена («пенетрантностью») – в зависимости опять же от присутствия мужского гормона. Но тем самым выводы о её якобы *генетическом* определении лишаются всяких оснований.

Таким образом, виноваты в таких внешних и поведенческих морфофизиологических отклонениях (девиациях) вовсе не гены, а гормоны.

К несчастным сексуально-половым девиантам, если они никому не мешают и не совращают других, разумеется, необходимы терпимость и равноправие во всех остальных отношениях и помощь лечением, – получается, гормональным, хотя на него пока ещё мало способна наша медицина.

Но никак не пропагандистская реклама их беды другим – да ещё и в качестве “*нормы*”, навязывание таких образцов поведения даже детям. Извините, такое половое расстройство просто *гибельно* (пагуба, см. гл.11) для судьбы человека и для будущего даже всего человечества. Как же оно может быть им принято?

Да и облегчает ли этот воинственный путь положение самих изгоев? Или, наоборот, только обостряет конфронтацию в обществе и вражду к ним?

17. Стрессы

И еще важнее профилактика этих гормональных бедствий. А для того понимание их происхождения.

В самом деле, в чем **причины** этих **стрессов**, чреватых такими печальными *гормональными патологиями* для женщин и для их детей?

Причины этих стрессов у женщин, особенно у беременных, ведущих её организм к гормональным нарушениям, роковым для всей жизни новорождённого, надо полагать, в свою очередь лежат в *нездоровых социальных условиях*, в какие заброшены жить эти будущие и начинающие матери.

И в той мере, в какой женщины вовлечены в общественную работу и жизнь, эти причины для них ныне те же, что и для мужчин, – общие.

По-моему, причина в порочном *культе богатства* – якобы “милости Бога” и сути счастья.

В погоне за богатством мы предпочитаем занятия наиболее “*денежные*”. Нет, не в творчестве, научном, техническом, художественном, предпринимательском.

Зачем его поощрять высокими доходами? Творчество же и без того так увлекательно, что там готовы вкалывать даже бесплатно. Предприниматель же “сам себя сделает”.

Самые денежные занятия – это что-нибудь вроде финансиста, юриста или бюрократа. Пусть они самые скучные, нервные и суетные.

И в жертву деньгам приносится вся жизнь. Полдня на износ мы выкладываемся на “работе”, еще полдня – в транспорте и в пробках. Да, он обеспечил (она обеспечила) себя и

семью “завидным богатством, домом и положением”, но почти не видит ни дома, в который приезжает разве что спать, ни семьи, ни других близких, ни друзей, ни свежего воздуха, ни свежей пищи (не токсичной от накачки химией). А внутри, в душе – пустота, раздражение и тоска.

И опустошенная и невидимая жизнь промелькнёт незаметно, как её и не было. Да и была ли она?

И несчастный “счастливчик” умирает – исчезает, как его и не было. На напрасную радость своих наследников, его барышом обреченным на казнь тщетного развлечения своей *бесцельной* пустой *праздности*.

Здесь, в напряжениях вечной конкурентной гонки, бесконечной работы, вечной спешки и вечного сиденья в кресле и в автомобиле заключается причина наступающего нас *досрочного* гормонального истощения, явленного – оглянитесь – в наших хилых *тощих* или расплывшихся *ожиревших* фигурах, тусклых строгих глазах, бесцветных голосах, мёртвых сухих деловых манерах и ширявшейся половой импотенции.

А вслед за гормональным истощением как раз и происходит распространение вокруг узнаваемых типов мужеподобных женщин и женоподобных мужчин, их стыдно скрытых, но вопиющих проблем, которые ныне и вырвались наружу столь актуальными и агрессивными. Настоящим *непонимаемым* позором и бедствием современного общества.

В этой ситуации разве не ясна давно назревшая необходимость устранить или для начала хотя бы сбавить эту гнетущую *нездоровую конкурентную и трудовую гонку*?

Как?

Как всегда бывает, устранением её причины.

А причина тягости и гонки такого труда – *отчуждение* нашей души от нашего дела (а с ним и всей нашей жиз-

ни) его *корыстью*, где цель человека – в оплате или в прибыли, – вообще, в денежном доходе, но вовсе не в труде, ставшем поэтому для нас *чужим*, то есть ведущимся ради *целей* не наших, а чужих и потому только *вынужденным*, тягостным и проклятым.

Тогда как счастье *умиротворенности* должен нести “сам процесс” работы, для того её творчество, но бескорыстие, свобода от жадности и мелкой суеты. И таким может стать любое нужное обществу дело: и крестьянина, и технаря, и того же финансиста или чиновника, если они направляются не алчностью, а служением людям, – их радости.

Общим лозунгом тут может быть мое личное правило: Не гонись за деньгами, они только средство получения жизненного достатка. Служи делу, интересному тебе и нужному людям. А деньги тебе дадут за твое дело, как раз потому что оно нужно. И дадут достаточно, чтобы ты мог его продолжать.

Но ведь люди изначально, со своего возникновения живут в системе общества, ею связанные, и **свобода от отчуждения** нужна не просто отдельному человеку, а всему обществу?

Как же освободиться обществу?

Для начала, по меньшей мере, путём пошагового, но радикального сокращения *рабочего времени*, удлинения досуга и отпусков при сохранении уровня благосостояния.

Понятно, этот “дрейф” сокращает также и прибыли, но, кстати, сократит и *безработицу*, – одна угроза которой несёт столько стрессов, да ещё и требует столько социальных средств на пособия.

А для женщин необходимы многолетние материнские отпуска, начиная с первого дня беременности или ещё намного раньше.

А каким облегчением жизни будет постепенное вытеснение большей части *личных* автомобилей – с их отравленными выхлопами, нервными пробками, хаосом, авариями и гибелью людей, страховками, ремонтами и парковками, – путём их замены территориальным обменом жилищ (через сети риэлторских и арендных агентств) и общественным транспортом, развитым по-современному, комфортным, быстрым, чётким и культурным?

Но откуда средства?

А как общество находит астрономические суммы на гонку вооружений, космические полёты и другие грандиозные проекты?

Неужели же на свою **свободу** от *отчуждения*, каждому землянину насущно необходимую, без чего каждый (!) неуклонно омертвляется и деградирует, их никак не найдётся? Да еще при итоговой экономичности такой реформы.

18. Феминизм и свобода

Всякое развитие проходит через кризисы \equiv *разлады* в существующем, \rightarrow через его отрицание \equiv нигилизм и \rightarrow через отчаянные метания *экстремизма* в поиске нового лада между реальностью и необходимостью. Не исключение и современное преобразование семейного и родительского положения женщин и мужчин. Оно тоже порождает проблемы и кризисы.

Однако поскольку гендерная система – важная, но всё же только **подсистема** человеческого общества в целом, то, как не раз бывало и прежде (гл. 4 - 12), её нынешний кризис обусловлен преобразованием всего общества, в особенности необходимостями его производства и быта.

Современное индустриальное и “постиндустриальное” бытие в Евразии и Северной Америке вовлекает женщин на-

равне с мужчинами в общественное производство. Уже в начале XX века они составили около четверти всех занятых, в середине века около трети, сейчас – почти половину. Казалось бы, какой прогресс! Никогда прежде перед женщинами не открывались такие захватывающие перспективы. Перед ними распахнулись двери не только бальных залов или театров, но и школ, университетов, фабрик, заводов, контор, офисов.

Вовлечение женщин в общественные работы, зарплатные (наёмные) или предпринимательские, очевидно, принесло им значительную материальную независимость от мужа – свободу и поколебало традиционное половое разделение занятий.

Только, как я погляжу, не сказать, что женщины в таком уж восторге от этого своего “уравнивания”.

Почему? Должно быть, по открытию за свободой неволи.

Иметь право \equiv возможность – это одно дело, приятное, но быть *вынужденной* – просто потому, что сократили *относительную* оплату мужей, так что тем стало не под силу в одиночку содержать семью, – это дело совсем иное.

Как известно, это “вовлечение” женщин в общественное производство идёт по-разному и в разные сферы – сообразно их возможностям и склонностям.

Одно дело – изматывающие сборочные конвейеры, швейные цехи, беготня официантки по ресторанному залу или изнывание от скуки в магазине, на складе, в почтовом, диспетчерском и т. п. сервисе, в конторе или в канцелярии.

Выше статусом, но не оплатой и не далью от скуки рядовые служащие (клерки) – технические исполнители учреждений, статистических, налоговых, министерских и других правительственных ведомств, маркетинговых и других служб частных корпораций, экспортных и импортных фирм и т. п.

Из-за недоступности для женщин тяжелых видов работ, необходимости совмещать работу с домашним хозяйством и заботой о детях и вследствие этого часто меньшей квалификации они получают работы преимущественно полёгче или попроче и – соответственно – ниже оплачиваемые: кассиры и продавцы в магазине, швеи, ткачихи, сборка электроники, делопроизводство, медицинские сестры, учителя младших классов школ и т. п. Даже девушки, которые учились на инженера или архитектора, потом часто ими не работают. А на пилота или технолога они обычно и учиться не хотят.

А нередкость явная дискриминация. Так, женщины тоньше различают запахи, но каким-то чудесным образом 80% парфюмеров – мужчины.

Понятно, зарплата металлурга не может быть такой же, как у магазинной кассирши. Поэтому даже при юридически равной оплате труда *фактического* равенства в оплате женщин не получается: и в среднем они зарабатывают на 16-30-40%, а то и на 70% меньше мужчин (по странам статистика сильно разнится). Правда, при этом в магазинах они тратят обычно раза в четыре больше мужчин.

Очевидно, каждая из наёмных мучениц трудится в таких местах только *вынужденно* и мечтает о муже, который был бы в состоянии её освободить от этой её “свободы” и от “равенства” для радостей семьи.

Хотя семейные нравы консервативны, и попытки отступить от традиции, изменить в них что-нибудь, любые модернизации (гл. 9) наталкиваются на дружное сопротивление всей родни, знакомых и судов, дразги, ссоры и прочие неприятности.

А в социальных масштабах “бытовые революции” ведут уже не только к внутрисемейным раздорам, но и к социальным конфликтам, вплоть до государственных переворотов и

даже международных осложнений. Такие бытовые битвы раздирают сегодня не один Ближний Восток.

Тем не менее, в большинстве промышленных стран женщины получили равные юридические и избирательные права.

И в России большинство тоже убеждено в равенстве женщин, а почти две трети допускают, что женщина у нас может стать даже президентом. Хотя большинство (>85%) опрошенных, как женщин, так и мужчин, признаются, что не любят работать под женским руководством, считая его взбалмошным, – должно быть, за женскую неопытность, но доброе желание всяких усовершенствований.

Сегодня бытовой водопровод, электричество, газ и другие коммунальные услуги, стиральные машины, холодильники и другая бытовая техника, выпуск полуфабрикатов блюд, сети кафе, баров и заведений быстрого питания – значительно облегчили груз домашнего хозяйства.

А всеобщее школьное обучение, собственный заработок, вовлечение женщин в общественное производство, а вместе с тем – также и в профсоюзную, политическую и иную общественную жизнь привели к существенной демократизации зарплатной семьи.

Большинство современных девушек, как свойственно юности, мечтают о блеске мировой звезды, известной и богатой актрисы, а о замужестве знают без иллюзий – тяжелая обуза, хотя всё же зло меньшее, чем жизнь в одиночестве, и почти все стремятся замуж. А их претензии к своему принцу – самые скромные. Даже в пионере либерализма, в Англии, они идут не дальше надежды, что будущий муж пить будет умеренно и хотя бы не будет её бить.

Однако реальность: либо ограничение узким домашним кругом, либо несправедливая двойная нагрузка работы где-нибудь в цехе или в конторе, а ещё и дома, и, тем не менее, экономиче-

ская *зависимость* (гл. 12) от зарабатывающего больше мужа, частые депрессии из-за нехватки денег и мужской поддержки и трудностей с детьми, нередко безработица одного или обоих супругов, отчаяние и озлобление, а от них – обыденное пьянство, унижения и избиения – «массовое» «домашнее насилие» над женщинами и детьми «неблагополучных семей».

Здесь любовь умирает. И никакие «телефоны доверия» почти не помогают, потому что звонки кончаются просто уходом мужа и распадом семьи.

Особенно ужасно положение в малообеспеченных многодетных семьях и ещё хуже у многодетных, но одиноких матерей, живущих на пособия. Бытовая запущенность и безнадзорность детей в них столь обычны, что они становятся рассадниками подростковой преступности и бандитизма.

Что же удивительного, что после того, как в XIX веке демократия учредила право на расторжение супружества число **разводов** растёт стремительно, демонстрируя *«кризис семьи»*. За столетие оно выросло в пять-семь раз и сегодня в Европе, США и России до половины и больше (!) браков распадается, притом в большинстве по инициативе оставленных жен.

А дети растут в распавшихся семьях с одним из родителей, обычно с мамой. И повторяют их унылую судьбу одиночек:

- Мам, а когда я выласту, я буду на тебя похожа?
- Будешь, детка, будешь.
- И зачем тада зить?

У мужчин положение как будто бы лучше и – соответственно – больше самодовольства, реже депрессии, хотя свои беды они обычно переживают тяжелее и больше ворчат, пьют и бунтят.

Может быть, потому что у женщин меньше адреналина и потому меньше скачки артериального давления? Должно быть,

поэтому женщины, несмотря на все свои несчастья, переносят стрессы легче и живут в среднем значительно дольше.

В таких условиях нынче больше трети молодых пар предпочитают испытывать себя “гражданским браком”, то есть годами жить вместе, но без его государственной регистрации. Зачем брак, если есть развод? Что он тогда даёт? Неожиданно обнаружилось, что самостоятельность есть благо не только для школы и церкви. Как было ни удивительно, оказывается, семья, отделённая от государства, крепче. Мне думается (гл. 5), потому что в **свободе** в семью возвращается **любовь** как её единственная надежда и оплот.

Цехи и конторы – достижение, явно не удовлетворяющее прекрасный пол. Кажется, он проникается сознанием: женщин природа создала для иного. Женщины – существа, которые рождены, чтобы любить и быть любимыми, родить и растить детей. Конечно, женщины могут еще много что, но приоритет у большинства (> 80%) современных женщин остался прежний – любовь, материнство и семья. За него они и голосуют своим практическим выбором: в Западной Европе и Северной Америке после появления в семье детей **две трети** (!) женщин совсем не работает + ещё четверть нанимается на неполный рабочий день.

Вот это сюрприз: перед женщинами, видите ли, распахнули двери цехов и контор, а прекрасные туда, в этот рай равенства и свободы, почему-то не очень-то рвутся.

А полный рабочий день сохраняют женщины главным образом из высоко оплачиваемых “элитных” работ, не желающих рисковать своим положением и имеющих средства поручать детей детсадам, няням, гувернанткам. Или, наоборот, из семей малообеспеченных, то есть *вынужденные* работать, потому что муж семью не вытягивает или (по этой же причине?) его вовсе не стало.

Так вот, оказывается, где решение “*демографической проблемы*” в иных странах – сокращения населения из-за “*низкой рождаемости*”⁸. А ларчик просто открывается: чтобы матери могли без забот растить в семье двух-трёх и больше детей, мужьям надо больше платить.

Не эти ли современные городские условия труда и быта с их *пренебрежением* к социобиологическим половым особенностям женщин как-то *обесценивают* особое женское существо, обидно делая его словно *второстепенным* или ненужным, даже излишним и вредным? Не это ли современное высокомерное самодовольство мужчин и возмутительное ущемление женского существа породило *феминизм* – довольно широкое женское движение за реальное равноправие, поэтому фактически даже за привилегии, особые женские права по защите материнства и детства?

И скоро оно получило поддержку левых партий, заинтересованных в ответной поддержке избирательницах, и не без успеха они добиваются пособий по беременности, по родам и уходу за ребенком, финансирования роддомов, детсадов, внешкольных секций и детских лагерей.

Таково положение женщин в промышленности и сервисе.

Но иное дело наука, лаборатории исследовательских институтов, кафедры университетов и колледжей, издательства и т. п. или хотя бы кабинеты врачей и школьные учителя. Тут и оплата значительно или немного выше, и появляется творчество, и общественный престиж, а порой даже слава, и тут прекрасный пол показывает себя вполне успешным в эмпирических, экспериментальных, языковых и педагогических сферах.

⁸ *Л.И. Браев*. Как нам сохранить Россию. {Через столетие нас не будет - ?} // “Независимая газета”. 07.09.2010. 15-я полоса.

А тем более эстрада, шоу-бизнес, театр, киностудии, телевидение. Танец, пение и лицедейство – любимейшие женские профессии, мечта чуть не любой хорошенькой девушки. Природные эмоциональность, грация и тонкий музыкальный слух (фальшивят они вшестеро реже мужчин) дают женщине здесь неоспоримое превосходство. Здесь они издревле блистали, но как раз поэтому конкуренция в них ужасна, а места на вершине хватает только для немногих.

Но уже в музыкальном исполнении и тем более в сочинении женщины, похоже, уступают. Должно быть, по недостатку глубины в интерпретации мужской партитуры и времени и сил для долгих упражнений (забирают более важное – любовь и семья). Кому известны великие “композиторши”? Хотя народные женские песни, бесконечно нежные и задушевные, любовные и колыбельные, и потрясающие прощальные плачи часто несравненно сильнее мужских песен.

И уж совсем иное дело – принимающие решения топ-менеджеры в чиновничьих кабинетах в громадах законодательных, судебных, налоговых и т. п. ведомств, в штабах и фондах партий и профсоюзов или в офисах банков, промышленных и строительных коммерческих корпораций и разных частных фирм, рекламных, юридических, риэлторских, консалтинговых, инновационных, венчурных и т. п.

И в политике, и в бизнесе женщины поныне составляют меньшинство, но не потому, что их туда так уж не пускают, а, думается, потому же, почему их нет в футболе – по отсутствию интереса. Или отсутствию возможности ← занятости другим? Хотя в эту мало кому со стороны доступную «элиту» иные тщеславные золушки метят проникнуть “с тыла”, силой своей сексапильности, – но обычно напрасно.

Устремляясь в артистическую, чиновную или деловую карьеру, женщины часто заражаются здесь мужским азар-

том соперничества и завистью к успеху, а потому и преисполняются решимостью ради денег и власти стать жесткой и ступать по головам.

Но задушив в себе женскую доброту, счастливы ли они и их семьи? Каково это ей – холод бездетности или дети, брошенные и потому “трудные”, разобщение поколений и разобщение супругов, – утрата смысла совместной жизни семьи?

Не потому ли в карьерной гонке они наживают здесь сердечные болезни, язвы и *СОХНУТ* как телом, так и душой от стрессов и дисбаланса гормонов? (См. гл. 14). Не затаенную ли в душе боль глушат они столь обычными в этой богемной и суровой среде наркотиками, курят и пьют? И не оттого ли так рано сгорают?

Горе человечеству, если у наших родительниц и спасительниц пропадёт этот приоритет любви и семьи. И слава богам, что таких пока ещё не больше 20%.

Из этой карьерной среды и происходят идеологи крайнего феминизма, так сказать, его экстремисты.

Конечно, они исполнены самых благих намерений и справедливо воюют против того, от чего они здесь больше всего страдают, – использования *служебного или хозяйского положения* для сексуальных домогательств к *зависимым* наёмным работницам и работникам: неприличных шуток, намёков, оскорблений, троганья их тела, эротических комплиментов, принуждения, двусмысленных приглашений или обещаний вознаграждения и т. п. И в США, и некоторых других странах давно, ещё с 1990-х годов, они добились их законодательного преследования по суду.

Но, не указывая *социальных* стратовых причин таких сексуальных домогательств – *зависимости* людей, они вольно или невольно переходят его здоровую границу, смешивая усилиями *запретить любой* любовный **флирт и юмор**, – даже между денежно совершенно **независимыми** ≡ свободными людьми.

Равноправие женщин должно быть не только незыблемым, но и дополнено материнскими привилегиями.

Но к всеобщему ужасу или смеху, такие суперфеминистки стали ревнителями уже не столько женского равноправия и льгот, а, наоборот, кажется, уравнивания полов, пожалуй, ещё точнее сказать, их “*ободинаковления*”, то есть отказа от женственности, а, следовательно, отказа от их привилегий, особых прав защиты материнства и детства.

Моральное и правовое равенство полов они отождествляют с их якобы *физическим* равенством. Желая обосновать право на равную карьеру полов, они *сами* пренебрегают их биологическими различиями в теле, в структурах мозга и гормонов, сердито воспринимая всякие “политически некорректные” указания на их *различия* как якобы принижение и дискриминацию женщин и враждебность к их равноправию.

Конечно, *телесные* различия полов в росте, в силе и в родильной функции настолько очевидны, что не могут быть оспорены. Но им кажется, есть возможность отстаивать любезное им убеждение в их *психологической одинаковости*, будто бы всего лишь по-разному воспитанных культурой «социума»: девочкам сюсюкают, дарят розовое платьице и кукол для баюканья, а мальчикам дают штаны и мяч или конструктор, устраивают соревнования в силе и ловкости и запрещают плакать.

Поэтому эти ученицы Локка и Гельвеция были раздосадованы, когда этологи обнаружили подобный же выбор в вольере у детёнышей шимпанзе: среди подброшенных туда игрушек самочки – шимпанзёнки сами и без какой-то культуры выбирали для игры кукол, тогда как шимпанзята предпочитают какие-нибудь затейливые конструкции и драки.

Соответственно “борьбу с дискриминацией” женщин суперфеминистки переводят в борьбу с дискриминацией “секс-

меншинств”, а то и хирургически сменивших свой пол несчастных “транссексуалов”. (Гл. 14)

Создается впечатление, будто их великая мечта – победить природу, учредившую в живом половое различие (гл. 1), замкнуть кольцо, вернуться назад, к его началу, стереть в людях эту возмутительную несправедливость, чтобы больше не было ни женщин, ни мужчин, а было бы нечто среднее, ни то, ни сё, – “**средний пол**”, и да восторжествует, наконец-то, “полное равенство”.

Мечта, несомненно, дерзкая, революционная. И, пожалуй, прекрасная. Жаль только, но мне почему-то кажется, что тогда на свете станет невыносимо *скучно*.

Ну, для чего в таком мире женщинам будет вся их красота, наряды и кокетство? Выходит, они излишни?

А мужчинам зачем тогда будет соревноваться друг с другом, кто сильнее – умнее и т. п.?

И где тогда будет любовь? Видимо, любви тогда тоже не станет. *Общество без любви*, где вместо любви будут злостные преступления – “сексуальные домогательства”.

Однако как же тогда будут появляться дети?

Должно быть, через пробирки и инкубаторы. Смелая научная фантазия? Или жуткая картина? Но уже пробуемая в технических опытах.

Ох, уж эти экстремисты. И здесь намечтали несусветное. А ведь решительно добиваются даже законодательного утверждения своего “нового порядка”.

Выше (в итоге анализа гл. 12) мы уже пришли к мудрой детской истине: женщину и мужчину нелепо уравнивать. Женщина и мужчина во многом разные и нужны для разных дел и как раз разными. Эти различия между ними не досадны или возмутительны, а хороши. У одного есть то нужное, чего не хватает другому. Посредством своих различий женщина и

мужчина не заменяют одни других, а дополняют друг друга и только вместе образуют человечество.

А, стало быть, женщину надо оценивать как женщину, мужчину – как мужчину. Но не следовать донине распространённому обыкновению мужского или суперфеминистского тщеславия – мерить женщину по мужским меркам – эталоном силы и деловых успехов.

Поэтому абсурдно вульгарное требование, чтобы женщин было бы столько же, как и мужчин, в шахтах, в армии, в бизнесе, парламентах. Если по желанию и способности, то любая – пожалуйста, есть право, но *вопреки* их желанию по квоте или по обязыванию – зачем?

Почему бы тогда не требовать от мужчин, чтобы они рожали и нянчили младенцев? А, пожалуй, скоро начнут и требовать, а бедняги-мужчины за ненадобностью тогда вообще исчезнут.

Неужели скоро конец полам?

Смех смехом, но за этой идеологией видно отчаяние, действительный кризис, то есть общее неблагополучие – всех: и матерей, и отцов, и детей – и на *всех уровнях* общества, но особенно как раз в самых нижних и самых верхних.

Хотя, как будто, не сплошное: некоторые оазисы счастья зияют.

Тем не менее, надо думать, люди не смогут смириться с этим массовым неблагополучием в любви и не успокоятся, пока не найдут пути его преодоления.

В чём же они?

Очевидно, для ответа тут снова нужен анализ не только гендерной подсистемы общества, а прежде самой его системы.

Соответственно свое понимание происхождения этих кризисов и перспектив их преодоления я вижу в переходе всей системы общества к принципам **свободного потребления** и **свободного труда**.

А конкретней?

К сожалению, сколько-либо убедительный и для того обстоятельный ответ уводит нас далеко от избранной здесь темы – к развитому в другой книге пониманию общества вообще и современного и будущего общества – в особенности. (См. “Необходимость и свобода”, гл. XIII. Футурология⁹).

Какой смысл повторяться?

*

*

*

⁹ *Леонард И. Браев. Необходимость и свобода.* Начала нецеситной социологии. Изд. 2-е, исп. и доп. Изд. «Салика», 2013, - 648 с. ISBN 978-5-906541-01-7